

рисунок, живопись, скульптура, архитектура, композиция, история искусств

ЖУРНАЛ

№ 3

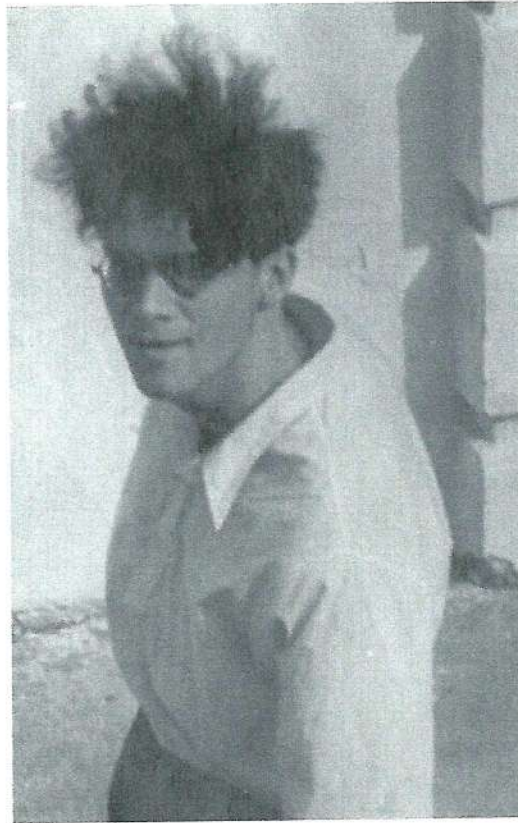
2001

Московского Академического Художественного Лицея
Российской Академии Художеств

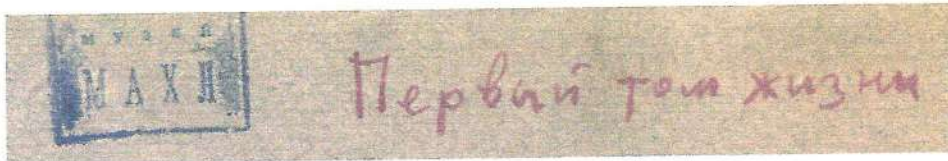

Москва

Иван Сергеевич Кусков
(31.03.1927 - 1998)

Все думают, что я здесь пьян, но если я и опьянен, то только искусством.
На этом снимке, честное слово, у меня не было ни капли внутри.

Это я, когда
только что родился.

Мои предки - дедушка (которого я не застал в живых) - Иван Константинович Кусков, бабушка (ее тоже не было в живых, когда я появился на свет); отец и прабабушка - Любовь Евдокимовна Охлобыстина - умерла в 1933 году (в ночь на новый год).

Рассказывали что Иван Константинович был весьма силен физически - брал призы для интереса среди бурлаков и грузчиков. А когда как-то на него напали воры он оглушил их стукнув лбами друг о дружку (при переправе через Оку в лодке).

Любовь Евдокимовна и Константин Дмитриевич

Отец старший класс гимназии
Отец всегда чрезвычайно много

Отец-гимназист

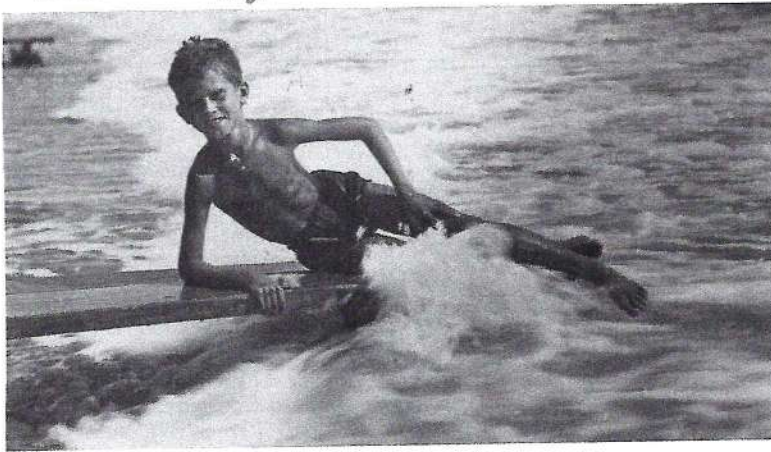
читал и всегда выписывал интересные цитаты с юности и до смерти увлекался писанием стихов Кажется некоторые неплохие (Пессимизм) Вообще обладал огромной трудоспособностью

На обороте:
Посылаю вам свою
карточку Скоро
напишу письмо
Деньги 15 руб
получил - спасибо
15 мая сдаю первый
государственный
экзамен Прощайте
Сшейте мне как-
нибудь толстовку
Сергей Кусков

Моя мама - Анна Андреевна Костюк,
и отец - Сергей Иванович Кусков.
(Кажется, фотографировались сразу после
свадьбы). 1926г.

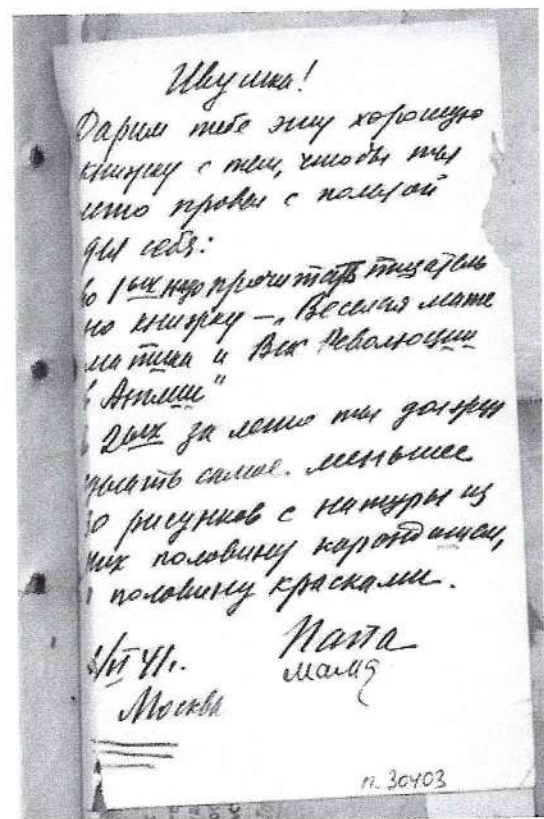
(1935 - 1936) Два лета мы жили в Феодосии. Отец был главным врачом детского санатория... Когда я недавно снова побывал в Феодосии, все знакомые улицы и дома показались гораздо мельче и уже, чем в детстве. Вполне понятно!

Снимок первых дней войны. Я уезжал в эвакуацию в Башкирию. Грустный снимок. 5.VII-1941

Это, кажется, 39-й год. Неделю с отцом провел на пароходе (до Горького и обратно). Отец заставлял меня рисовать пейзажи с натуры. Поэтому я с ним не разговаривал.

Герман Лушников,
"Гераня"

Лучший товарищ моего детства. Вообще, даже в то время (погиб 18-ти лет) был необычайно начитанный, знающий культурный парень. В детстве мы (он, я и Вадим) часто собирались на внутренней лестнице в 6-й квартире, и он удивительно здорово рассказывал разные необычайные прочитанные, а иногда и придуманные истории.

Родился в 1924 г. Внук Леонида Борисовича Красина.
 Рос с Софьей Борисовной (сестрой Красина).
 Погиб на Смоленском фронте 13/VII - 42.

Звезды наш дом.

Война и эвакуация

Меня вывезли вместе с Художественной школой в Башкирию - г. Воскресенск. Через некоторое время туда же приехали мои родители. Сначала было там очень трудно. Нанимали комнату. Потом получили квартиру, завели себе козу, поросенка и собаку. Отца назначили заведующим Воскресенской больницы. В 1943 году приехали со школой в Москву.

Последний снимок отца. После трудных и глухих дней Башкирии все стало несколько старше и мрачнее. (1944)

Как все
любопытны...
горе

10.III-
44 г.

Леонид Александрович Лютов. В 1937 расстрелян, как германский шпион. Лучший из друзей отца. и

вообще замечательный человек. «самородок». Из крестьян стал первоклассным инженером по радиоделу. Бывал за границей. занимал высокий пост. Посмертно реабилитирован!!!! Помню отец с Леонидом говорили об Эдгаре По. Мы шли возле булочной у бульвара. Помню, как они говорили о Дюма в моей комнате.

Удивительное, замечательное письмо Леонида отцу

Здравствуй, Сергей.

Я рад, что ты меня понял. Я был уверен, что ты меня поймешь. Но не будем больше об этом говорить.

Сегодня почувствовал себя несколько плохо. Я очень устал от Америки.

Прилег на постель, закрыл глаза и впал в одно из тех полубодрых состояний, когда человеку кажется, что он спит, но мозг и воображение работают. И воображение бывает в эти моменты особенно сильно, особенно остро. Если это не похоже на переживания человека в "Смирительной рубашке" (помнишь Джэка Лондона), то что-то от этого есть в менее сильной и острой форме. Право, когда приходишь в нормальное состояние, то бывает очень досадно, что не можешь записать всех этих грез и фантазий. Иногда очень удачно разрешаешь проблемы, которых не мог разрешить в нормальном состоянии. Но, проснувшись, забываешь решение.

И я сегодня строил свои фантазии на двух строчках твоего письма, т.е. вернее стиха. Ужасно досадно, что забыл весь стих.

"Он совершил великий подвиг

И поднят на широкий щит..."

Я видел торжественное шествие, впереди Цезарь, сзади смеющийся солдат на щите, роза, повисшая печально, но не безнадежно, угрюмых пленников и женщин, привязанных к лошадиным хвостам.

Бушующая толпа в радости, и гнева, и зависти, грубо-добродушные насмешки над героем, обещающие взгляды женщин, венки и награбленное золото, храм, пурпуровый хитон жреца, дым жертвы, ночной кабац, веселая и страстная попойка и уснувший на столе герой-солдат, мощный и великодушный в своем падении. Слюна, истекающая из его рта, дополняла жизнь.

Эти видения дало мне твое письмо. Когда-нибудь я воплещу в своей форме данную тобой идею. Но мой герой не твой. Насколько я смутно представляю содержание твоего стиха - твой герой, хотя и красивый, но немного меланхоличный и нежный. Но этот герой не должен быть таким. Он должен быть груб и порывист. Он должен совершить великодушный подвиг, но как слепое животное. Не столько из благородных чувств, сколько из слепого порыва. А может быть даже из трусости. А после получения почестей он должен стать заносчивым и высокомерным. И эта заносчивость и высокомерие породило в нем истинного героя. Сознательного, а не слепого. Обязанность быть героем породила настоящий героизм. Самое же красивое - поднятие на щит - отношение соратников и толпы. Это должно быть красивым, и нужно нарисовать красиво этот формальный момент. Второй красивый, но самый трудный по изложению момент - вторичный сознательный героизм.

Как тебе нравится эта идея. Это, правда, несколько поворачивает установленные понятия о героизме, ставит их как бы на голову, а не на ноги. Но меня это не смущает.

Я очень рад, что ты все больше и больше соприкасаешься с жизнью, хотя бы в форме руготни с врачами. Говорят, что святой в небесах - это не святой. А вот святой на земле - это действительно святой. Ибо не трудно быть святым в небесах, среди святых. Я, конечно, не собираюсь тебя причислять к лику святых, но мне хочется, чтобы ты чувствовал остро цвет и запах жизни и уловил ее романтику, т.е. умел ее находить. Это дается долгим опытом или приключениями. Я немного успел в этом, в связи со своим бродячим образом жизни. Но и то еще пока слаб иногда. Но соки жизни нужно чувствовать. Я вспоминаю сейчас «Мартин Иден». Там есть место, где Мартин, любясь на свою любимую Руфь, вспоминает целую серию последовательных видов в процессе эволюции, из которых развилась его любимая Руфь, начиная с первобытной самочки, ползавшей на четвереньках. И это обстоятельство не только имеет какое-нибудь дурное влияние на понятие о красоте, но ему кажется, что образ Руфь стал после этого рассуждения еще красивее и ценнее. Мне кажется, что в понимании красоты есть два пути: один - отход от жизни, другой - влезание в жизнь. Срединка породит фальшь. Может быть, первый путь порождает более красивые образы, но в то же время и более сухие, классически прекрасные и не менее классически мертвые. Второй - менее прекрасные, но горячие и страстные, волнующие и захватывающие.

Итак, в медицинской работе ты успел. Я так и предполагал. У тебя есть для этого необходимое холоднокровие, систематичность и смелость мышления. По-моему, это очень важно для врача.

Ты спрашиваешь о моих видах на будущее. Жить я буду в Ленинграде. Думаю посвятить некоторое

время конструкторской работе. Мне попытаются навязать нечто вроде твоей работы: много власти, много работы, и сам как белка в колесе. Но я для этого не создан и подобного рода тщеславием не страдаю. И попытаюсь отбрыкаться, как это собираешься делать ты. Кроме того, у меня есть одна идея: в Ленинграде работает уже много лет один профессор над ракетным летательным аппаратом, который может летать в пространстве, где нет воздуха. Я постараюсь приложить несколько усилий к тому, чтобы познакомиться с ним и, может быть, поработать для него. В общем, хочу полететь на Луну. Ты, может быть будешь смеяться над моими сумасшедшими идеями, но помни, что не было еще изобретения и открытия, над которым бы в первое время не смеялись, а впоследствии не восхищались. Кроме того, межпланетное пространство - великолепное и вполне спокойное место для писания рассказов. Но это пока в области абстрактной идеи, а непосредственное практическое - это работа на заводе в качестве конструктора специальных аппаратов. Несколько слов о стихе, присланном мне. Форма, ритм, созвучность, соответствие содержанию - все это отлично. Ты прекрасно усовершенствовался в этом. Но стих - мертв. И стих не прост. Есть несколько выражений, которые даже с точки зрения стиха не выдерживают никакой критики по своей торжественности и ... непонятности. Например: «Устала жизнь безумствовать в природе». Хотя торжественно, вернее помпезно, но право, черт его знает, что это значит. Случайно одна знакомая прочитала этот стих. Сама она глупа в смысле литературном, более чем пробка, но имеет некоторое самодовольство и думает, что она может кое-что понимать. Она обратила внимание на эту строчку и сказала: «Какое красивое выражение». Как только она это сказала, так я право тебе не позавидовал. Уже потому что это ей понравилось, можно сделать заключение, что это ни к черту не годится. Она, конечно, сама не знает, что тут красиваго, просто есть такие персоны, которые любят непонятные фразы и думают, что они проявляют особую тонкость души в любви к таким выражениям.

Выкинь, Сергей, эту строчку к черту, выкинь. А вот дальше «И только тонкая вечерняя луна застыла, точно бровь на небосводе» - это уже мне нравится. Оригинальный образ и дает идею. Может быть у тебя это вышло бессознательно: ты, наверное, не думал о идее. Но дело в том, что застывшая бровь - это выражение недоумения, вообще говоря. И это получилось чрезвычайно красочно: недоумевающая луна над застывшей печальной землей. Обычно всегда и земля печальна, и луна печальна, и вообще все печально. Так изображают по шаблону. А у тебя выражено чувство некоторого недоумения. Это хорошо. И притом образно и кратко. Я не буду писать о разного рода мелких недостатках, как например, «Как чист гранит надгробный». Почему надгробный гранит должен служить показателем чистоты, я не знаю. По-моему, он большей частью грязный. Может речь идет о специальном граните. Затем, такие перечисления как-то не вяжутся: «прозрачность, безнадежность, тишина». «Прозрачность» - понятие физическое, «безнадежность» психологическое, а «тишина» тоже больше относится к физическим. Получается некоторого рода мешанина. Но я считаю это мелочами.

Последняя строфа прямо по Блоку - копейка в копейку. Тут и «вьюга незримая» и метод начала: «И пусть», «И пахнет». Затем «холодная земля».

Вообще же, говоря о стихе, не вдаваясь в детали - стих мертв. Ни осени, и, самое главное, осенних полей, не чувствуется. Впечатления тоски и угнетенности не производит. Образности, за исключением указанного выше, нет. Хорошо звучит, есть и внутренние рифмы и созвучен содержанию, но все это работа хорошаго мастера, но не тонко, и остро, и сильно чувствующаго художника. В общем - плохо. Если ты так усовершенствовался, то дело дрянь. Пиши проще, но сильнее. Не знаю, как другие стихи, но раньше были стихи сильнее. Кто тебя очень хвалит, я не знаю, может он «нежно врет», по каким-либо причинам, из деликатности, что ли. А может, он ни черта в стихе не понимает.

Я заинтересован, чтобы ты лучше писал. Так же, как и ты должен быть во мне. Причины - кто скорее выйдет на рынок и в связи - вытациит другого. Так что нам с тобой друг друга в критике стесняться нечего. По крайней мере я так чувствую - не знаю, как ты. Когда я читаю твои работы, мне кажется, что там есть частичка меня самого. И я горю, и страдаю, и радуюсь за них, как будто за свои.

Присылай поэму. Все почему-то заражаются предрассудками насчет почты. Почта между Европой и Америкой работает вполне исправно.

Привет Ане. Целую сына.

Леонид.

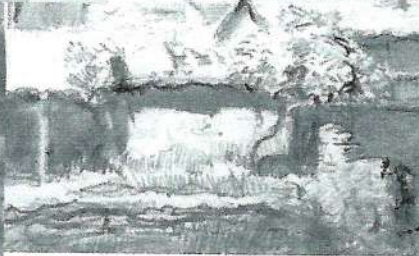

Феодосия. 1935\36 г.г. Дом отдыха детей РККА.

Звезды

Михаил Иванов Юрий Дворецкий
"Пок"

На эту гору мы ходили с Сашей Трофимовым

1948 г. «Барсу́к-Кая». Мертвая татарская «деревня». Татар выселили.

Между прочим (NB)

1949

С 1950 г. работаю в Детгизе - иллюстратором. Работой доволен. (Книги дают интересные). В другие места пока соваться незачем.

Невинные развлечения на Пушкинском бульваре (холостой образ жизни)

Кирдин Вениамин Николаевич. «Харрис»

Дима "Красе"

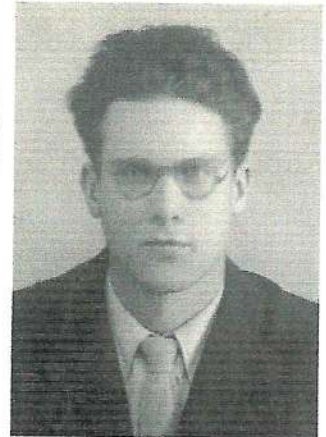
Красно-невцев Дмитрий Михайлович

п.30086

1952

1954

После всего этого последовала эпопея с первой женой. Было много приятных и мрачных впечатлений, много всего, кроме одного - взаимопонимания. Из этого дела я вышел умудренный опытом житейским.

Любовь (1954 - 1955) и так далее...

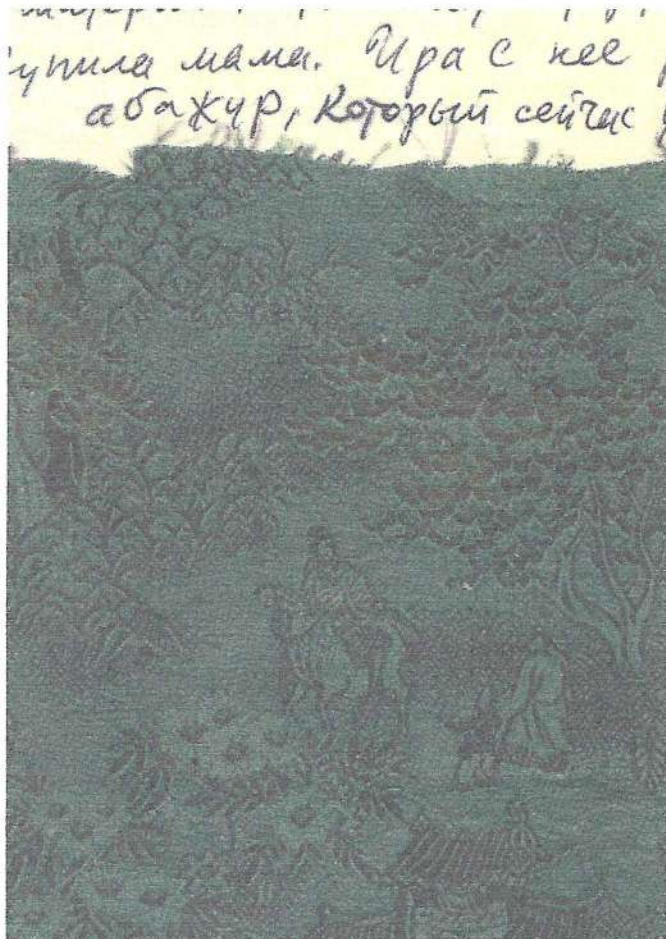

впервые увидел Иру

При первом муже.

Лоскут от материи - китайской, которую лет 30 назад купила мама. Ира с нее рисовала абажур, который сейчас у Сережи

И
Р
О
Ч
К
А

Ира на работе (в студии «Мультфильм») Ив Монтан, Ира, Жерар Филип

Привыкаю быть отцом

Интересно, что мой сын, Сергей Иванович Кусков II, родился 3 июня 1956 г., в тот же день того же месяца, что и мой отец - Сергей Иванович Кусков I

Я думаю, что здесь Ира действительно похожа на счастливую мать

16 ноября 1959 г. ок. 7. мес.
Ирочка умерла, проболела 3 дня
от вирусного гриппа.
(сложилось на легкие)

один глаз (левый) у нее был темнее (зрачок и белок) - когда теща спросила врача, как это - «хорошо или плохо», врач ответил - «если будет красивая - хорошо, если нет - плохо»

30 лет 8 месяцев 8 дней

fin

Это - идиот?? - нет, мне помешали есть

Аллочка
 чехала 16/I-62
 на Тухотку. (32)
 п. 30465
 Это, так называемый пилекин

vita nova Яи

АЛЛОЧКА

Б
 О
 С
 М
 Е
 Х
 А

Леня за штурвалом

соседи Розовое
 создание с
 некоторыми
 червоточинами
 (в общем
 ничего)
 внизу - (Ей
 15 лет, не
 умеет ни
 читать ни
 писать)

ФКЛани, мой дом отсюда + в 94.01.1962

разделка Кира - тут же на берегу

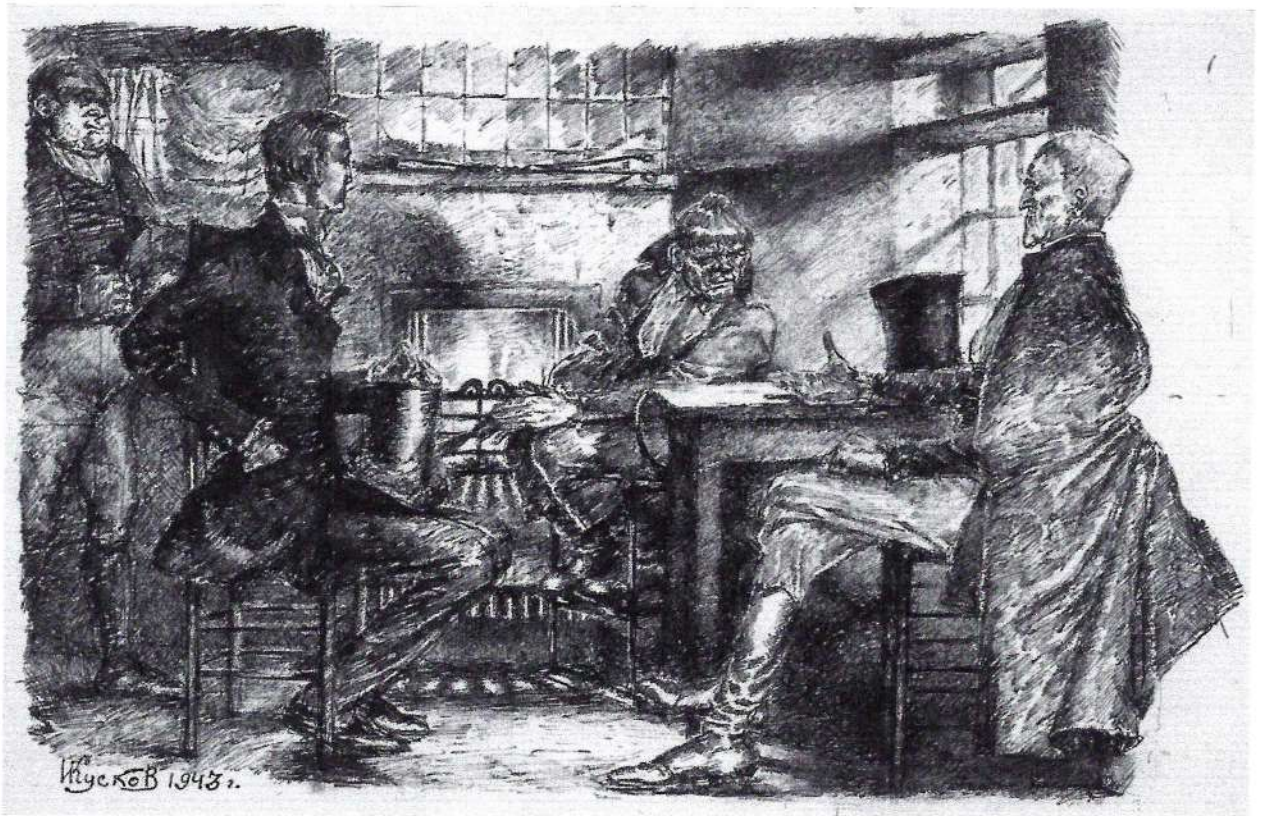
Приезжала зимой 1964 г в Москву на время...??? Многое в нас изменилось

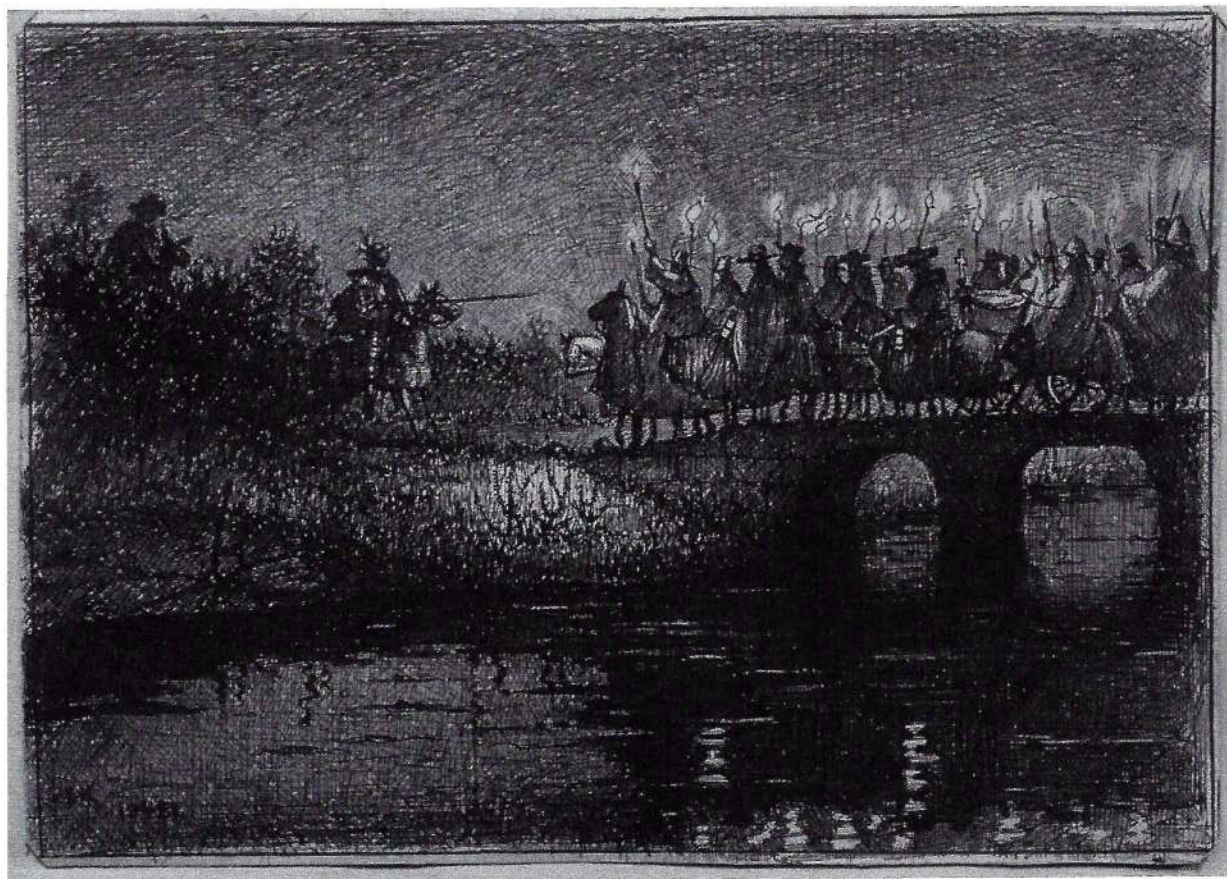

Не помню, как называется эта картина Коржеева, знаю только, что он в ней делал меня

1943. Из иллюстраций к Диккенсу

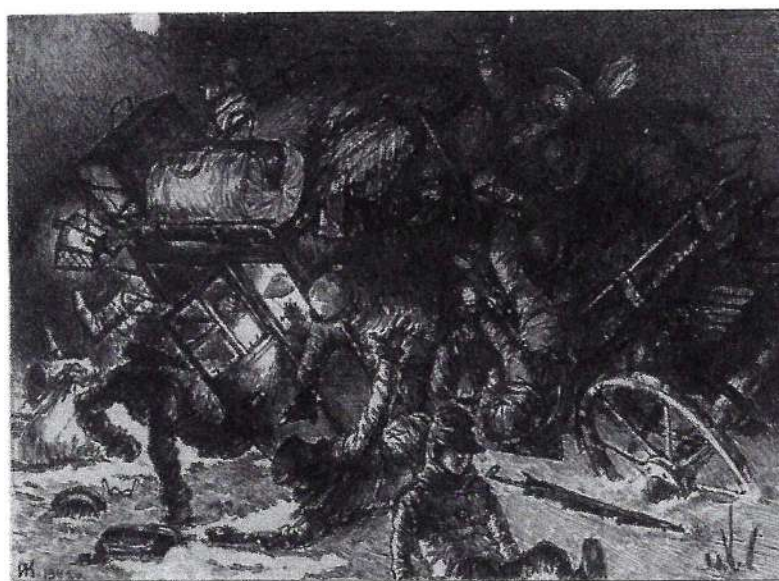

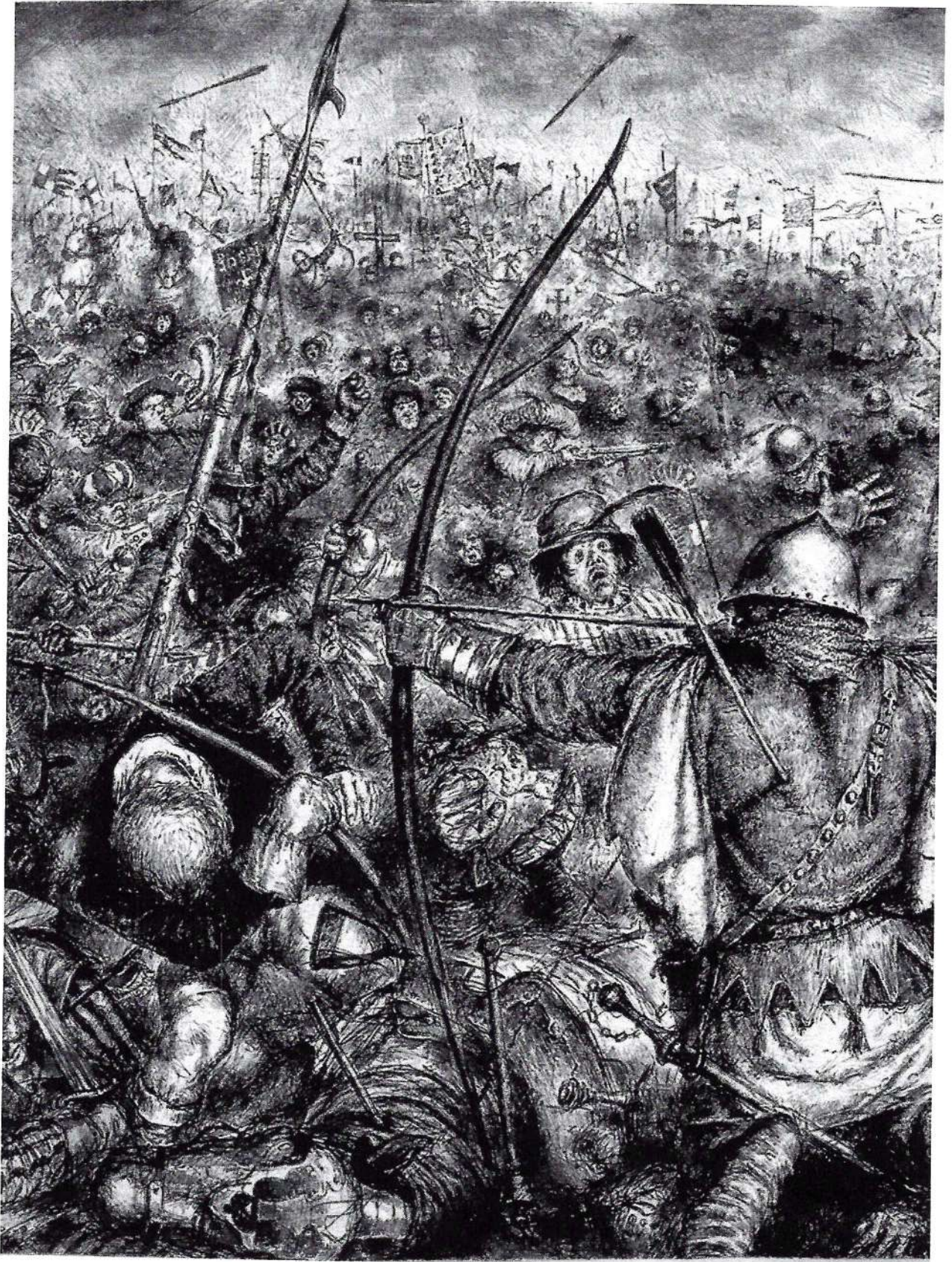
1942. Дон Кихот

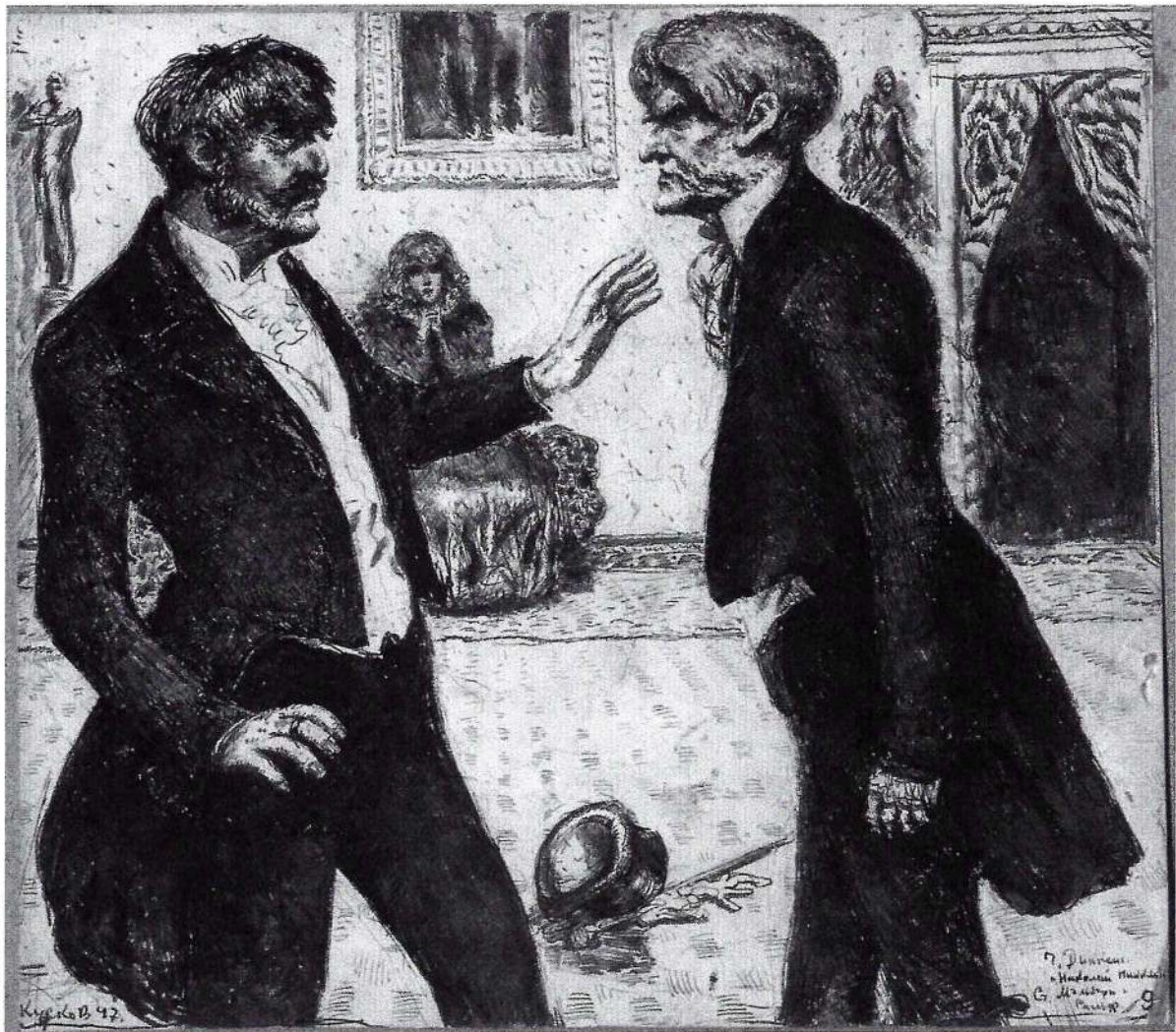
1937. Москва

1942. Из иллюстраций к Диккенсу

Битва при Пуатье (левая часть).

1947. Ч. Диккенс. «Николай Никкльби»

Беляковская
Екатерина

Кузнецова-Рурф
Анастасия

Жильцова Ольга

Флиптова Ольга

Никифорова Анна

Борунова Полина

Кузьмина
Екатерина

Попкова Светлана

Коршунов Иван

Жучков Алексей

Лапцева Елена

Лескинен
Александр

Васильева Мария

Терентьев Илья

Мазуркин Юрий

Кузнецова
Евгения

Филоненко Евгения

Антохина Ульяна

Макеева Ирина

Майкова Полина

Глушкова Софья

Чижова
Анастасия

Арзамасцева Полина

Васильева Юлия

Глебова Юлия

Чернышева Мария

Марков
Никита

Толстогин Кирилл

Кожин Валерий

Гребинов
Кирилл

Махлин Евгений

Калитина Любовь

Дорофеева Ольга

Брусенцова Елена

Габова Светлана

Андрей Николаевич Костромитин

Воспоминания

Московская средняя художественная школа

В МСХШ я поступил осенью 1943 года, сдав конкурсные экзамены.

Вместо живописи я лепил рельеф с натюрморта. Но скульптуры в нашей школе тогда не было. Раздобыв краски, начал писать со всеми. Когда, кажется, зимой Ашот Григорьевич Сукиасян нас собрал, чтобы открыть новое скульптурное отделение, то я отказался, сказав: “В школе занимаются триста человек живописью и с таким успехом, что я захотел учиться живописи”. Меня не отчислили.

В классе было более тридцати человек, в том числе восемь девочек. Почему-то даже в те голодные годы девочки казались более обеспеченными.

Около десяти человек жили в интернате, это были приезжие или сироты. Они были как-то особенно грубоваты и неопрятны и более нас сплочены между собой.

Часто бывали пустые уроки. Нередко на урок быстро входил директор и мальчики, а то и всем классом, шли разгружать машину с торфяными брикетами в школьную котельную.

Сидел я за партой один и косо, по диагонали: ноги не помещались при обычном положении. Кроме того, мое место было в простенке между окнами, чтобы меня труднее было рассмотреть. Попадаться на глаза учителям или начальству я не любил, как не люблю и сейчас.

Меня много дразнили за рост. Обычно на пустых уроках я выходил из-за парты и начинал ходить взад и вперед, как зверь в клетке (раньше ведь я много рисовал в зоопарке). Ребята подымались меня бить, но это не получилось ни разу, так как я обнимал их по несколько человек и сдавливал в объятиях, от этого желание бить, почему-то проходило.

Однажды, когда пустой урок наш случился в актовом зале, я вышел на эстраду и завыл волком. При этом представлял необозримые зимние просторы нашей общей родины, деревни, голод, холод и одичание от бедности. Меня слушали, не прерывая. Обошлось без последствий, могло бы быть и хуже.

Одежда моя была вечно мала, обувь дырява. Кажется, года два я проходил в деревянных ботинках, сделанных из брезента, набитого на деревянную подошву.

Случилось так, что я не только не ухаживал за девочками, но и не пробовал танцевать.

В те годы все мы росли, складывались и физически тоже, а материала не хватало. Отсюда и лень, и слабость до дурноты. Однажды в конце зимы я пролежал дома около двух недель без справки от врача. Меня вызвали на родительский совет и, к моему удивлению, не ругали, а, выслушав, пообещали помощь. Я помню чувство благодарности свое, хотя помощи-то никакой и не было.

Нагрузки и слабость от недоедания были так велики, что трудно было по утрам вставать. По дороге в школу не хотелось спешить. Появилась привычка опаздывать сначала на минуты, а потом, обычно, и на весь первый урок. Так же шло дело и в

институте. С удовольствием вспоминаю, что как-то все мне сходило.

Уроков я обычно не готовил. К экзаменам, правда, готовился самозабвенно, часто в компании с Олегом Савостюком, нашим лидером в те времена, а теперь тем более. Рад вспомнить, что за всю жизнь я ни разу не провалился на экзамене.

Преподавала литературу нам заведующая учебной частью Наталья Викторовна Стасевич. Маленькая, седая она у нас называлась “кость”. Впрочем, для меня ее большая голова с выпуклыми блеклыми глазами не была лишена очарования. Я часто ее рисовал на уроках. Ее прозорливейшие высказывания по нашему поводу напоминали птичьи крики в лесу. Как мы теперь убедились, они попадали точно в цель. “Пошляк, пошляк!”, - вскрикивала она по адресу расшалившегося на уроке ученика, или: “Ты спекулянт!”. Тогда это звучало как почти площадная ругань. Давая нам задания выучивать стихи наизусть, Наталья Викторовна спрашивала с нас результат. Так, например, пушкинского “Пророка”, помнится, мы прочли на уроке вслух наизусть каждый. Конечно, это был ее маленький опыт над нашими крепнущими душами и понятное желание заглянуть в книгу будущего, угадать судьбы некоторых из нас. Ведь по тому, как прочтен был “Пророк”, с какими акцентами и каким чувством, можно было судить и о степени возвышенности чтеца и о его образе мыслей.

Однажды она вызвала меня ответить урок по поводу “Витязя в тигровой шкуре”. Сразу учуяв, что мне есть, что ответить, Наталья Викторовна предложила мне выйти к доске. Я проговорил, наверное, с полурока о возвышенных чувствах любви и дружбы этой поэмы. Несмотря на трудности в произношении имен, я и сейчас немножко горжусь этим моим ответом. Еще несколько раз проделывала Наталья Викторовна со мной этот эксперимент. Я не отказывался, отвечал охотно и полно.

Впрочем, сидя против света на фоне окна, я умудрялся на <общеобразовательном> уроке съедать банку с завтраком, которую мне давала с собой в школу мать; памятуя выражение: “А Васька слушает, да ест!”. Преподаватели, обычно, мне в этом не мешали. Может быть, помня, что я ленинградец, вероятно, это само по себе, тогда уже внушало уважение. Все очень хорошо знали, что такое блокада, да и потеря родного гнезда, и смерть отца тоже.

Кроме общеобразовательных, по расписанию были три-четыре часа в день то живописи, то рисунка, по очереди через день. На общеобразовательных мы отдыхали от всех наших художественных нагрузок или рисовали портреты преподавателей или друг друга.

На стенах нашей школы постоянно и подолгу висели образцы работы старших учеников. Самые старшие образовывали группу и назывались “гестапо”, директор наш Николай Августович Карренберг назывался “фюрер”.

Помню выставку на коридорных стенах восьми учеников: Суханов, Пурыгин, Ткачев, Котляров, Мануйлов, Бунин; кто еще, не помню. Большинство работ были очень хороши и интересны. Побывал у нас на этой выставке и Гарриман. Может быть, в связи с этим кто-то захотел купить все работы и заплатить деньги авторам, возможно, даже голодным. Но директор Карренберг воспротивился этому.

А зря, мне кажется. Работы со временем все равно, вероятно, почернели, а на деньги ребята хоть бы краски нормальные купили бы, а то писали мы все на малярных красках из банок.

Впрочем, с перестройкой наступили времена, когда пришлось запастись и малярными красками тоже, чтобы когда-нибудь не остаться не только без денег, что уже проглядывалось впереди, а и без красок. Я знаю, что Пурыгин, например, и всегда писал из банок, а не только из тюбиков. Размах наших устремлений был созвучен эпохе войны и победы в ней. А отсутствие привязки к реальности было присуще экономике тех утопических десятилетий.

Рисунки мои отличались серьезной точностью построения и отсутствием чисто графических эффектов. За одиннадцать лет обучения карандаш надоел на всю жизнь, но зато в построении ошибки бывали редко, да и пишу я всю жизнь сразу кистью, без рисуночной подготовки. В конце четверти мы должны были что-то нарисовать, обычно, на свободную тему. Часто попадались исторические разработки “а ля Суриков”. Мне всегда хотелось учиться так, чтобы овладеть рисунком, изучить человеческое тело так, чтобы без натуры и затруднений рисовать его как бы наизусть.

По композиции я получал обычно четверки. Теперь уже не упомяну за что. Возможно, не ясно было уже и тогда, на кого работаешь, или, еще проще, куда это все девать потом. Сегодня эти же вопросы вокруг нас создают некий вакуум, подчеркивают изоляцию нас всех и каждого. Это же можно посчитать и за условия для нашей работы, а что потом, “бог весть”:

Великим быть хочу,
Люблю отчизны честь.
И с этим не шучу,
А выйдет ли, бог весть!

Мои успехи в живописи были серьезны, но без блеска. Сначала это был зелено-черный период. Потом я увлекался импрессионистической блеклостью, с трудом выходя на цветовой контраст во всю его силу. Писал много и дома: автопортреты, мать тоже позировала мне охотно.

Летом все ученики школы выезжали работать (писать с натуры) в лагерь. Большинство из нас писали самозабвенно и помногу. Каждый месяц устраивали просмотры работ. Ученики при этом стояли, преподаватели сидели. Каждый выносил и выставлял свои работы. После общеобразовательных экзаменов “расписывались” не сразу, обычно к осени.

Помню, как в шестнадцать лет я мог остаться под Загорском в селе Муханово еще на неделю до начала учебного года пописать осень. А белил не было. Было заключено пари с Юрой Буторовым: я не курил, а должен был выкурить сразу шесть папирос, сидя на подоконнике ногами вниз. Целая компания следила, чтобы я заглатывал дым в легкие. Конечно, после этой процедуры я почувствовал себя неважно. Но зато получил пять тюбиков белил, остался дней на пять-шесть после отъезда лагеря в деревне один.

Стояла золотая осень, бабье лето, синело небо. Я скитался по окрестностям и, когда уставал искать, садился на землю и писал березы, елки, все. Ехал домой нагруженный работами и вещами. Моросил дождь, надо было идти пешком около шестнадцати километров. В начале пути меня обогнала машина грузовая, и шофер предложил мне подсесть. Из любви к романтике, или гордости, или просто хотелось испытать свои силы и выносливость, я отказался. Больше предложений не было. Может

быть, я нуждался в нагрузках, отдохнув за лето на природе?

В Муханове мы были уже старшими, и нам четверым разрешили снять избу отдельно рядом с лагерем в деревне. В первой большой комнате жил Олег Савостюк и Женя Казаров, во второй маленькой спал Юра Гусев и я. Мы жили дружно, не ссорились. В дожди, когда нельзя было писать <природу>, как-то коротали время. Нарисовал О. Савостюк игральные карты на картоне, они и сейчас у меня целы. Правда, играть в них не стали, всем больше хотелось еще пописать: устраивались <в непогоду> на крылечках или рисовали интерьеры или портреты.

Увлечение искусством, то есть бескорыстным стремлением к совершенству, осталось, наверно, у всех нас на всю жизнь. Оно же помогло переносить то множество бед, которое почти обязательно постигает любого художника. Если бы не это, то не слишком ли хорошо ему бы жилось? Так что никто не допускал никогда этой явной несправедливости. Во всяком случае, на снисходительность людей и судьбы рассчитывать нам было бы грешно. Я это давно понял, и наша каждодневная практика, особенно в различных общественно-художественных и производственных инстанциях, никогда не давала забыть это обстоятельство.

Сейчас на выставке в МСХШ у Крымского моста экспонируется мой портрет Олега Прокофьева. Олег учился годом младше меня. Этот прелестный мальчик был сыном С. С. Прокофьева, композитора, и, полюбив сначала музыку отца, я полюбил и сына. А поскольку мы были соседи, то есть жили около Курского вокзала оба, то часто и возвращались домой вместе. Всю жизнь до его переезда в Англию мы были дружны. Да и теперь редкие встречи проходят очень тепло.

После того, как их оставил отец, они, то есть мать и двое сыновей, остались жить на улице Чкалова в хорошем “доме специалистов” на третьем этаже в четырехкомнатной квартире. Я много и подолгу бывал там, сидя в огромном старом кожаном кресле и жадно поглощая запретную в те времена информацию о культурной жизни мира, попадавшую в руки Олега по недоступным мне каналам. Это была находка выхода и как бы компенсация за все мои трудности.

Еще была семья академика Хрущева и его жены Зои Дмитриевны, родной сестры Д. Д. Шостаковича. Там же у них жила и другая его сестра с сыном Митей. С ним мы дружили еще до войны. Фамилия его была Фредерикс. По отбывающему срок ссылки его отцу-физику Митя был сродни министру “Двора его императорского величества”, кажется, так. Его отец умер после войны за день до встречи с семьей в поезде. Уже свободным?

У Хрущевых был сын Коля, помоложе нас. Жили они в верхнем этаже особняка на улице Обуха, где теперь живут работники индийского посольства. За домом к реке спускался заброшенный тогда парк. Мы играли втроем в футбол.

В этой же семье жила и их мать Софья Васильевна Шостакович. Потом, уже будучи студентом, я написал ее портрет, живя недолго в Ленинграде, куда она переехала в их старую довоенную квартиру, где я бывал еще до войны. Позируя мне, Софья Васильевна раскладывала пасьянс, что и было запечатлено мной.

Более ли менее регулярно, примерно раз в месяц, мы с матерью ходили в гости к родственникам, Гатцукам и Стольниковым. Меня там подкармливали, и я не стеснялся.

Мне всегда хотелось иметь побольше информации из самых разных мест. В знании – сила. Много интересного из истории я почерпнул от Павла Бунина. Он жил у

Савеловского вокзала с бабушкой и больной матерью почти что в трущобе, в деревянном домишке. Быт был столь убогим, что, пожалуй, беднее ничего я близко не видел. Он (Павел) обморозил себе руки, нос и щеки, они были вечно красно-фиолетовыми. Но был он дружелюбен, радушен и так много помнил из прочитанного, что это перевешивало всю жуть непривычного мне быта. Мы вместе гуляли, читали,

П. Бунин
Рис. И. Кускова

иногда копировали рисунки Гольбейна, и все это, безусловно, было очень полезно. Это был очень рано сложившийся график-иллюстратор. Главная страсть его была чтение и копание в истории человечества, которую он несомненно знал блестяще, хотя и без какой-либо системы. Павел запоминал буквально страницами тексты, которые производили на него впечатление, и охотно повторял их в наших беседах.

Вечно он чем-то неумеренно увлекался; в те годы им владел культ Наполеона. Парил вне объективной реальности, в тех эпохах, которые его особенно увлекали. Достаточно ему было устроиться с минимальными удобствами где бы то ни было, чтобы он начинал вещать, пересказывая какие-то старинные тексты. Я, по существу, редко бывал с ним согласен, но слушал охотно и с интересом.

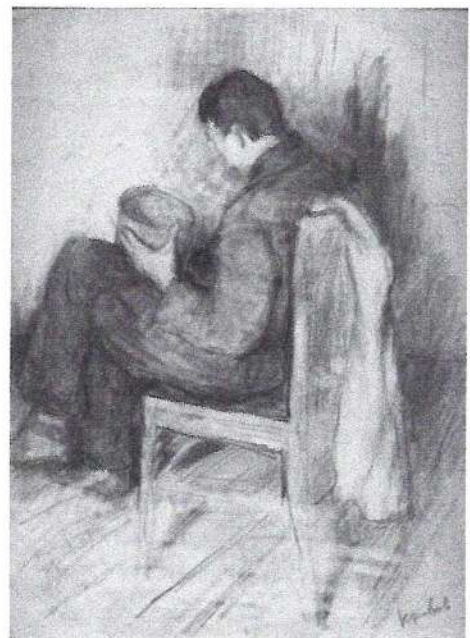
В годы учебы в школе мы вместе с ним охотно посещали после уроков гостеприимную комнату Никиты Кривога. Его отец был старый большевик и получал и в войну особый паек. Мы втроем премило проводили время, то есть рисовали, обедали и пили чай. Отец Никиты был очень добрый, славный и радушный человек. Ему нравилось нас подкармливать.

Никита тоже рано сложился как график-иллюстратор и рисовал обычно пером. Я старался овладеть и этой техникой тоже. Никита был добрый мальчик, как и его отец, но был крайне самолюбив, до полной самовлюбленности.

В классе старостой всегда был Олег Ивашов-Мусатов. Он стал математиком и преподавал всю жизнь в Университете в Москве. Его так и звали «Мусатик-математик». Это нам всем очень-очень облегчало жизнь, так как <мы у него> списывали математические домашние задания.

В нашем классе я еще дружил с Олегом Зотовым, главным записным весельчаком класса. Он дразнил меня по-всякому, очень разнообразно и остроумно. <Шаржируя мой рост и длинные ноги, меня> обычно рисовал во всю доску так, что получалось что-то вроде спрута. Много и нервно смеялся; как бы вился вокруг меня: вероятно, так выражалась его дружба и доброта.

Видимо, любопытствовал, как это мы

А. Костромитин
Рис. Н. Кривов

поживаем, наиболее неблагополучные и бедные ученики. В их числе был Бунин и я. Сам он жил хотя и тесно, но достаточно благополучно. Его отец был художник, кажется, мультипликатор. У Зотова была острая и ранняя склонность к графике и каллиграфии даже. Помню, мне он изготовил и подарил некие пародии на справки. Их было четыре штуки. Первая – что он (то есть я) “большой и прекрасный”, еще – что “у него действительно длинные ноги”, была и справка о гениальности, четвертую я забыл. И все это на каких-то бланках с печатями. Человек он был очень добрый и румяный. Может быть, жалея всех нас, так много шутил, смеялся и заставлял смеяться окружающих вместе с собой. Наверно, мы все были ему подсознательно благодарны. Его любили.

Как-то я, вернувшись с Кавказа из Осетии Северной, заболел тромбофлебитом и с месяц имел бюллетень и глотал лекарства. Попросил Олега навестить меня. Он пришел, и я был рад ему. Этот талантливый график и добрый человек, к сожалению, уже давно умер.

Кроме Олега Ивашова-Мусатова, постоянного нашего старосты и присяжного математика, был у нас и скрытый лидер, у которого мы уже тогда многому учились. Математику у него тоже можно было списать. Это был Олег Савостюк. Он сидел сзади меня за партой с Феденькой Рассом. Оба были друзьями и учились хорошо по всем предметам. Мать Феденьки была профессиональная художница. Вероятно, под ее влиянием Федя, кончив нашу школу, поступил в строительный вуз. Двух живописцев в одной семье было иметь тяжеловато.

С Олегом Савостюком нас постепенно связала дружба застенчивая, но как бы вся направленная в будущее. С другими этого качества я не помню. Наверно, он уже тогда подбирал себе сторонников, “своих”. Был он честолюбив. Наверно, и я тоже, но оба совсем по-разному. Поэтому постепенно, уже в институте наши пути разошлись. Я и теперь по нему скучаю, но уж очень он высоко залез по общественной лестнице, чтобы поддерживать с ним отношения было просто. Тогда мы часто держались рядом. Рядом стояли мольберты в классе живописи. Ходили вместе в Третьяковскую галерею, где учились разбираться в искусстве, искали и находили примеры для подражания. К концу школы это были Серов, Врубель, Левитан, Суриков, Коровин и т.д. Часто выезжали на этюды, наслаждаясь природой, выбирали вместе мотив, садились невдалеке друг от друга, потом сравнивали, что же получилось.

Так приятно бывает встретить своих одноклассников. Какая-то волнующая сладость воспоминаний о юности, как ни мало было в ней хорошего.

В Москве много удавалось ходить на концерты в консерваторию. Из нашего класса ходил еще Олег Савостюк и Юра Гусев. Мы застали самое начало выступлений Святослава Рихтера. И, конечно, были влюблены в него. Я – во всяком случае. Это обстоятельство значительно позднее вылилось в скульптурный портрет в дереве (полуфигура) и в мраморе. Всегда боясь приблизиться к моему кумиру, я все-таки года полтора лепил с натуры его жену Нину Львовну Дорлиак, влюбленность в которую шла как бы параллельно. Скульптура Н. Л. Дорлиак есть в мраморе и в майолике.

МСХШ, не давая специальности, поддерживала и развивала ощущение самости субъекта, собственной концепции художника, его права на индивидуальность в творчестве. Одновременно обучение основам рисунка, живописи носило характер неспешной углубленности. Преподаватели, зорко следя за нашими успехами, тем не

менее редко вмешивались в наши учебные работы и словами, и руками. Обычно они курили в коридорах, беседуя между собой, как мне казалось, об искусстве, споря о нем. Вероятно, я, ленинградец, по одному этому уже не был их любимцем. Хотя оценки мои не занижались, обычно это были все-таки пятерки.

Таким образом, мы были предоставлены самим себе и учились, в основном, друг у друга. С ранних лет поэтому, наверно, пробуждались склонности к преподаванию. В нашей группе было человек пятнадцать. Уже в те годы к преподаванию тяготели многие. Особенно Олег Савостюк и Юра Буторов. Это потом воплотилось в их судьбе.

В целом, все эти будущие художники в предчувствии того пути, который их ждал, были тихие замкнутые малообщительные люди. Шалости или тем более хулиганства почти не было. Я их не помню.

Впрочем однажды, выйдя из школы, где проходили праздничные танцы, мы с Олегом Зотовым сошлись во мнении, что это “очень противно”. Он схватил с земли камень и запустил его в стекло нашего актового зала. Было темно, засвистела дворничиха, и мы бросились бежать. Больше за собой грехов не помню. <Был еще случай.>

Когда я входил в школу с опозданием, кажется, на час, навстречу мне выбежал Дмитрий Дмитриев (он уже тоже умер). С криком: “Не видишь, я иду!” Он неожиданно съездил меня по зубам и тут же побежал дальше. Он учился года на три старше меня, был невелик ростом, шумен. Находясь в весьма философском состоянии духа, я никак не отреагировал на удар. Знаю, что Дмитриев много хвастался этой своей “победой”.

Пришло время нам влюбляться. И тут случилась чудная история у нас с Олегом <Савостюком>. Увлекаясь Врубелем, мы обнаружили сходство некоторых его персонажей с нашей соученицей Катей Шиллинг. И, не долго думая, мы решили вместе влюбиться в нее. Разумеется, была весна. Потоки талого снега мешали прогулкам по городу, особенно в плохой обуви. Но мы провожали предмет наших воздыханий на почтительном расстоянии до ее дома. И было нам обоим это удивительно и хорошо.

Ближе к лету я понял, что надо все-таки знакомиться с ней и решил уступить другу приоритет. Он согласился, познакомился, вероятно, был принят в доме. Мое чувство не изменилось, но как бы отступило вместе со мной, а ревнив я как-то никогда не был. Через несколько месяцев Олег заявил мне: “Знаешь, Андрюша, я понял, что это не то, что нужно!”. Я промолчал, но сообразил все-таки, что теперь дело за мной.

И как-то признался Кате в этой нашей затее и в моем в ней участии. Разговор шел на улицах по дороге из школы домой. Она слушала меня молча. Вообще молчать умела и любила даже отмалчиваться. Но часто широко и искренно улыбалась, охотно смеялась, была очень непосредственна и своеобразна, как-то по особенному кокетлива что ли. Она была явно огорчена своим разрывом с Олегом Савостюком, но и от моей дружбы и явной влюбленности не спешила отказаться. Постепенно мы сблизились, стали ходить вместе; это было уже и заметно окружающим. То, что произошло дальше раннею весной на берегу высоком речки Вори по Северной дороге, заставляет меня и сейчас вспоминать романс, кажется, Чайковского “То было раннею весной...”. Мир музыки, к которой тяготеет всякое искусство, ближе всего подошел к передаче этого. “Одной любви музыка уступает, но и любовь – мелодия!”.

Впрочем, начавшиеся вскоре экзамены на аттестат зрелости, двойную порцию которых я все-таки перенес, видимо, еще и из спортивного интереса, потом последняя поездка в школьный лагерь, куда Катя не поехала, оставляли нам мало времени для

свиданий. Разворачиваться так, как это делает молодежь нынче, нам никак не приходилось.

Когда мы сдавали на аттестат зрелости, нам пришлось вместо одиннадцати экзаменов сдавать двадцать два, так как наша школа не давала документа, этого самого аттестата, и ради него в нашем классе нашлись двенадцать человек, которые пошли на этот эксперимент. Кажется, человек семь-восемь успешно сдали, выдержали эти бессмысленные, как теперь видно, испытания. Сыграло роль, видимо, чувство неуверенности в своих правах и перспективах, в завтрашнем дне. По письменной алгебре, помню, мне помог Олег Савостюк, впрочем, не одному мне. А вот сочинение от ошибок проверил и их исправил Юра Гусев. Было тогда у нас в 1947 году чувство локтя что ли. Позднее оно понемногу, увы, куда-то подевалось. Зато все-таки осталась светлая память о прошлом.

Последний мой школьный лагерь был расположен на берегу Оки, километрах в двадцати выше по течению Поленова и Тарусы. Я жил у хозяйки в избе уже один. Помню, что как-то удалось мне железной палкой подбить ворону. Я подобрал ее и отнес хозяйке, которая и сварила мне ворону в отдельном горшочке в русской печи. Съел я ее сам, один. Бульон был мутноват, ворона тоща и жестка, тем не менее, я и теперь не раскаиваюсь в своем “подвиге”.

Когда, кажется, трехнедельный срок моего пребывания в лагере кончился, я вместо того, чтобы ехать домой, пошел вдоль реки по берегу с вещами в Поленово. Там, как мне стало известно из писем, жил Олег Прокофьев в какой-то близкой к поленовскому музею деревушке. Шел, не спеша, любуясь рекой, далями и простором. Погода не подвела, и к вечеру добрался до деревни. До сих пор удивляюсь, как это мы с Олегом встретились. Но это случилось, и я провел с ним несколько дней.

Мы много разговаривали между живописными этюдами, в том числе и о музыке. Я писал на небольших картонках и одновременно пытался передать свой опыт другу, у которого с этим делом было не слишком хорошо. Может быть, эта попытка преподавать и отбила мой аппетит к такому роду деятельности. Картонки этого периода с пасмурными пейзажами Оки и теперь у меня целы. Часть из них недавно удалось продать за “неизвестного художника” через комиссионный магазин на берегу Москвы-реки. Впрочем, я большую часть из них повторял, жалко было отдавать эти воспоминания, да еще так дешево и анонимно.

Как мне недавно стало известно, МСХИШ организована была за несколько лет до войны группой художников, ставших основными преподавателями искусства в ней. Их объединяла определенная центристская платформа в богатом веере групповщины двадцатых годов, которая реально сохранялась и после формального объединения в единый союз художников в тридцатые годы. Разгул левых течений, порожденный эпатацией “буржуа” и тяготеющий к чистому очковитирательству и эстраде (так же, как сегодня, по телевидению особенно), уравновешивался старинным академизмом и натурализмом (с традициями Академии художеств в Ленинграде), сбывающимися, под шумок, свою холодную продукцию всем, кто мог платить, вкладывая деньги или стремясь спекулировать ей при случае за границей. Это последнее направление – уклон как бы вправо, было поддержано государством и в вузах, и непосредственно в художественной практике, и уж, конечно, в искусствоведческой теории. Кульминацией этой волны был 1948 год, когда “формалистическая” еще довоенная профессура вся была заменена на новую, противоположного толка, набранную из практиков.

Именно в Москве сложился этот “центризм” из растущей материальной независимости художника, часто уже оправившегося от лютой богемной бедности и вспоминающего о чувстве собственного достоинства и о собственной точке зрения

субъекта, глядящего на объект изображения.

Мне всегда казалось, что чувство собственного достоинства, связанное с материальной независимостью и даже отстраненностью от грубой материальной заинтересованности, это - "основной наш капитал". Удар по этому чувству, столь частый в жизненной практике, неизбежно наносит ущерб творческой нашей продукции, ее качеству. Так, творчество крепостных художников обычно несет-таки печать крепостничества даже и в самой манере живописи. Сравнение с живописными образцами Запада именно поэтому не в пользу крепостных, а вовсе не из-за недостатка таланта или серьезной школы.

Это всегда заставляло меня не слишком-то увлекаться заработками, материальным успехом, сохранять как бы среднюю дистанцию от кормушки, а заодно, и от разнообразных структур, учреждений, группировок. Так сложился жизненный путь скрытного Робинзона Крузо, постоянно следящего за границами своего "необитаемого" острова. Может быть, тут вернее было бы сравнение с монашеской кельей или панцирем улитки.

Судьба ли склонила меня к выбору или это врожденные качества, или влияния взрослых, бывших рядом со мной, их традиций поведения и оценок, а вернее, все вместе взятое в его взаимодействии с объективными обстоятельствами, о которых можно говорить теперь как об уже перевернутой странице истории, но выбор сложился давно, с ранних лет и, раз сложившись, подтверждался поведением чуть не ежеминутно. Вместо этой длинной фразы можно написать одно слово "индивидуальность", а анализируют пусть ученые, что от чего бывает, если это кому-нибудь нужно.

Что я мог, и что хотел, и чего уж, конечно, не мог себе позволить, мне кажется, было ясно с детства. Мир, окружавший меня, начиная от ветки и листа с муравьем, кончая выражением человеческого лица и даже его отсутствием, все было для меня как бы добычей художника. А им-то мне и хотелось стать. Этому выбору было пожертвовано почти все, отчего я отказался сам или в чем мне было отказано другими. Так сложилось; надо было научиться во всем находить свой интерес.

Не тяготиться одиночеством, победить скуку, всегда находить свое занятие и, следовательно, свое место в жизни. Жизнь массы людей, ее бурный поток и водовороты горной реки, меня вовсе не привлекала. Спасибо моим родителям и обществу, мне дали возможность учиться, чему я хотел и сколько хотел. Не забуду принести свою благодарность и государству, его коллективному разуму за то, что не "замели", не забрали, не забрили и, в общем, довольно добродушно оставили в покое развиваться, как хочу на воле.

"Учиться – всегда пригодится". Из любой катастрофы первый чемодан, который надо спасать – это голова. Ее и надо поэтому набивать в первую очередь. Так учили старики. Еще мне понравилось уместное тут выражение о том, что голова – не мусорный ящик. Сохранить хотя бы некоторую самостоятельность, мне кажется, легче, владея искусством отказа от лишнего, искусством выбора. Сейчас мне уже под семьдесят лет. Стараюсь каждый день рисовать днем, обрабатывать дерево вечерами, под телевизор, который смотрю в полглаза. Эти мои занятия я вслух называю работой. Хотя мысленно я все чаще ловлю себя на том, что все еще продолжаю учиться. И даже ставлю какие-то маленькие опыты, пусть чисто технические. Так, мне кажется, чувствуют все художники, любящие свое дело, ремесло.

Большинство из нас стали профессиональными художниками, хотя наша школа "юных дарований" и не давала как бы специальности, а только развивала и готовила в вуз. За пять лет, что я учился в МСХШ, прошла юность в непрестанном труде и учебе. Так шло и дальше.

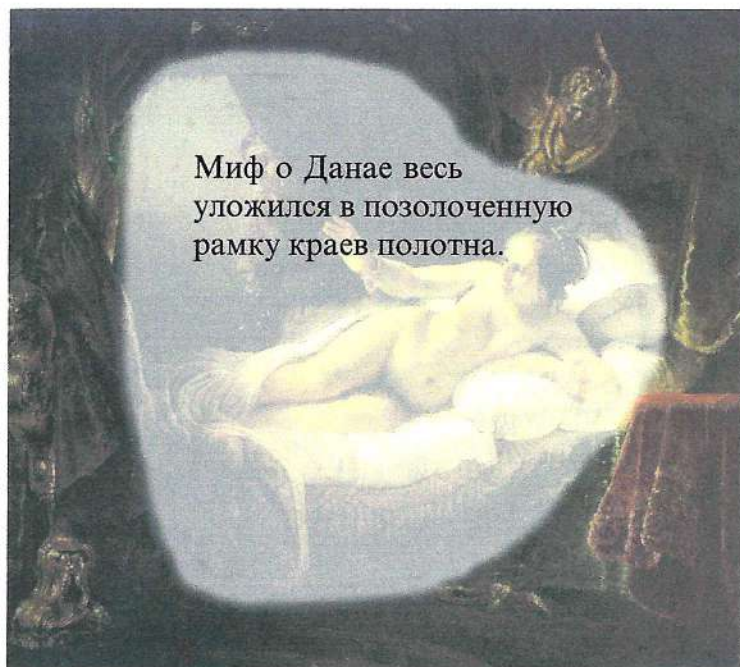
/ Подготовка рукописи к печати: В.А. Воронков при участии Н.В. Костромитиной /

Владимир Анатольевич Иванов

Аналитическая композиция

Наша Даная.

“Даная”, как и Дания – тюрьма. Тюрьма тряпичная, дырявая, с надзирающей ключницей, браслетами-оковами, - женская тюрьма.

Миф о Данае весь уложился в позолоченную рамку краев полотна.

Это и диковинный каркас (колыбель-карета, ложе-катафалк), и примечания аллегорических виньеток: страж золота – грифон, далее шмон рентгеновскими лучами обнаруживает монетки, имеющие хождение и в тюрьме, снятые туфельки вставлены вместо сковывающих ножных колодок, связанный, обиженный, плачущий амурчик, - к чему ни прикоснулся тут Рембрандт – золото. Но это периферия картины, а в центре, в «сердце» – тело, тело света.

Светоцентризм компенсирует Рембрандт-Зевс однозначный сюжетный мрак: ловлю пустоты.

И теперь с этим вот светом и прощается вечная Даная Рембрандта. Картина и не о материнстве, и не о сладострастии. Даная не мать, и не жена, и не вдова. Не дева и не девица. Женщина-миф, она наша живая Земля. Судьба, ее нельзя покорить, ей нужно покориться. Жизнь, она очаровывает. Путь, для Рембрандтов он бесконечен. Но Даная, увы, потерпевшая. Она оставлена.

Героиня деловито-естественна, но потому, что на сцену, где воплощается ее роль, мы смотрим из боковой кулисы. И мы невидимы, как не видим ни мы, ни она никого, для кого устроена эта ловушка для зрения и соблазна. Джинн H_2SO_4 пока в бутылке.

Но срабатывает театральный эффект присутствия, противный этической двусмысленности подглядывания жизни для другого. В искусстве все для нас. Но на миг, равный пребыванию в истине иллюзии. Как и для персонажа, сущностно не *non-finito* движения, а *non-stop* времени события. Искусство властвует ровно столько, сколько необходимо стоптанной туфле-подошве, чтобы отпасть от стопы блудного сына.

Время, однако, движется. Точка отсчета для полного оборота ночных часов картины – снятые (снятие) туфли. Сейчас голова Данаи, вертящейся стрелкой циферблата поперек неподвижной оси ложа, в ногах, ибо ночь – прошла.

Две ниши в плотной материи картины заполнены светом. Ниша-карцер призрачного второго плана – лунным, старушки-Луны. Ниша Данаи – солнечная.

Но пробуждение тоже сковывает. Замерли крылья любовной фантазии. Амур – сон. Связаны, перевиты простыней ноги-корень русалки Данаи. Уловки ночи отменяет утренняя заря. Тенью руки-ростка начинают указывать солнечные часы. Голова женщины – цветок-гелиотроп (и только!). Поэтому Данаю жаль.

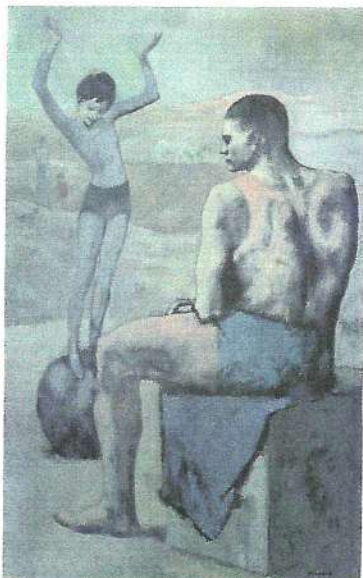

Венценосная мимолетность.

... платье бело в луче ...

Разрезанный ножом света, куб мастерской проявляет скрытый образ целого, себя внутри которого мы обнаруживаем, как внутри собственного дома. Но это уже не куб, а шар. Ауры двух фигур – два вложенных друг в друга сферических объема.

Удел плоского – ненахождение квадратуры круга. Об этом – шар и куб в “Девочке на шаре” Пикассо. Где еще может быть так холодно и одиноко, как не за окном вермееровского жилища. Оба произведения – взаимные пародии.

Одна – печальная. Не будем о печальном. Люстра так хороша, что думаешь о “Fiat lux!”

Квадраты пола решены, как физические поля. Фигуры статичны, как шахматные фигуры. Квадраты же танцуют! Белые между черными крестами. Взвешено, точно у голландского аптекаря или менялы. Не о Вермеере речь. Он-то свои краски у бабочек украл. Но тоже по-голландски честно. Можно указать конкретные, латинские наименования видов. А украл – ради порхания своей картины-бабочки. Душа легкая была.

Спина выражает “объективное”, в картину уходит невидимое “лицо”, выражающее себя в написании картины. Нет лица, но нет и картины, и не потому, что это ее начало. Голубым небесным венком увенчивается конец трудов. Это как подпись художника. А картина – вокруг. Первоисточник, а не цитата.

Красивая монохромная карта в центре (и на дальней периферии одновременно)

изображает, заменяя собой, большой мир. А что выражает полихромия самой картины? Она перекладывает первичный авторский сюжет: художник, черно-белый король, пишет модель – на свой собственный: все уже написано. Чем же еще хочет быть картина Вермеера? Картиной, пишущейся Вермеером.

Вот он и пишет, поставив там, слева, великую натурщицу, искусно придав ей естественную позу и атрибуты живописного колдовства: видимые слово и звук. Далеко-близкий план театрального бинокля. Десятая муза. Золотой век, голубой период. Золотая люстра, голубой венец.

С увенчания модели, с завершения постановки – начинается бесконечная картина – тут аллегория Реализма живописи. Все превращается в картинную плоскость = зеркало = стекло. И сквозь стекло...

“Видимый минимум” в XVIII веке, “фотон” в XX – термины, привычные интеллектуальному обиходу. Вермеер, художник XVII века, осуществляет себя фотонной живописью: последовательностями видимых минимумов, точек-фотонов, отдавая XIX веку совокупно-точечный эффект фото. Его точки-минимумы, ткущие материю видимостей, противостоят осязательной банальности вещей.

Протяженности *мест* (пространства) значительней протяженность *процессов* (время) синтеза: красками – цветов, фигурами – тел, временем разглядывания – пространства нахождения в нем и его разгадывания. Это судьба: мир, преломленный сквозь мировое стекло, миф, явленный Яном Вермеером внутри камеры-обскуры собственных пенат.

Картина написана, и я вижу ее глазами Вермеера. А кто там сидит за мольбертом? Это ты.

Жаренова
Элеонора
Александровна

Фрагменты воспоминаний
(продолжение)

...Проводились целые состязания по бегу, прыжкам, волейболу, футболу, плаванию. По волейболу старшие ребята проводили игры с актерами и работниками дома отдыха Большого театра и даже выигрывали. Кстати сказать, плавать в 11 лет я научилась там, на Оке, потом это было уже спортивным увлечением. Река Ока очень опасная река - сегодня в одном месте мелко, спокойно, с песчаным дном, а через несколько дней в этом месте уже глубина "с ручками". Нам запрещали купаться одним. Но в этом и есть соблазн. Несколько девочек в "мертвый" час убежали на речку. Было жарко и мы с удовольствием плескались в воде. Прыгая, я вдруг потеряла ногами дно и пошла ко дну, широко раскрыв глаза в воде, я отчаянно забарахталась, всплыла и поплыла - страх прошел.

Изумительной живописной и графической красоты были скалистые высокие берега Оки. Сколько этюдов и рисунков было здесь сделано. Но эти камни не были безопасны. Так как места были не очень людными и расположены к югу, все время на солнце, здесь водились змеи-гадюки. Мы их боялись, но искусство было выше страха. Сколько раз ребята приносили на палках в лагерь этих гадов. Но я не помню, чтобы кого-то кусали.

Вот, однажды, я тоже решила пошутить с гадюкой. Около дома отдыха "Поленово" была пристань пароходов. Каждый день утром и вечером приставали пароходы. К вечеру я шла по узенькой тенистой дорожке и к пристани, чтобы написать заход солнца на реке. вдруг вижу черный сучочек на дорожке; подняв босую ногу, я чуть не наступила на него, а он оказался змеей. Но в руках у меня был складной стульчик-трехножка, и я им быстро стукнула по "сучочку" и, попав по голове, убила змею. Потом я надела ее на этот стульчик, пошла на пристань и уложила на сходнях, а сама села подождать пассажиров с парохода. Пароход пристал, вышли пассажиры и все прошли, не заметив мою змею, и вдруг последняя девица громко завизжала, все бросились к ней, а я спокойно пошла на свой этюд.

Так как школа была особенная, по всем статьям, то и начинали занятия с 15 сентября. Это было не случайно, а чтобы дети могли еще насладиться в своих работах началом осени. Бегово с наступлением осенних дней было невероятной красоты. Темные дождливые тучи над почти невесомыми серенькими избами сменялись ясным светлым небом с золотыми деревьями и черными полями. Все это так хотелось передать нашими скудными возможностями, но мы все старались. В школе в начале занятий развешивались по всем стенам и в коридорах и в классах тучи работ - рисунков, этюдов, холстов, набросков и всего, что можно видеть глазами. Было такое количество работ, а у учеников это было своеобразное соревнование, что не могло не повлиять на дальнейшую увлеченность творчеством.

Так начиналась творческая жизнь с 10-11 лет.

... Эта же привычка рано вставать была и зимой. Я жила довольно далеко от Лаврушинского переулочка (в 1948 году школу перевели из Мещанской улицы в Лаврушинский переулок) и, чтобы успеть до начала занятий в школе и даже пописать или хотя бы поделат наброски по дороге, шла пешком от Мосфильмовской ул. (Воробьевы горы). Я выходила из дома часов в 5-6 утра, шла по набережной, даже темной зимней порой очень красивой. Эти частые прогулки в любую погоду утром, а после школы компанией, так поправили мое здоровье, что за время учебы в школе я почти не болела, и в дальнейшем занималась даже профессиональным спортом.

Вспоминая школу, все наши соученики говорят, что там мы получили поразительно творческий заряд профессиональных навыков и знаний, а главное, нас научили постоянному труду. Время было тяжелое, послевоенное, учителя удивительно самоотверженные, преданные своей миссии, честно передававшие свои знания детям. Особенно хотелось бы вспомнить Александра Осиповича Барца, небольшого роста, уже пожилой человек, всегда с папиросой

в зубах. Он воспитывал у детей сознательное отношение к изображению природы, постепенно усложняя учебные задания и повышая требования к овладению материалом: в основном, свинцовый карандаш в рисунке, акварель и масло в живописи, не прибегая к другим материалам. Иногда в рисунке заменяя карандаш сепией или черной акварелью. Эта ограниченность овладения материалом способствовала развитию технических качеств по опыту старой Академии Художеств. Кроме А. Ю. Барща, преподавали Н. И. Андрияка, К. М. Молчанов, Ф. И. Мясников, М. И. Рабинович (по пластической анатомии), А. П. Сергеева, А. Г. Сукиасян и другие, более молодые.

С первых классов к учебным заданиям относилось овладение перспективным построением как интерьера, так и городского пейзажа со значением воздушной среды, где есть первый план и дальний план, композиционное построение перспективного пейзажа. Много внимания уделялось самостоятельной работе в домашних заданиях, как, например, "комнатные растения" - это точное изучение законов растений, движения ствола, расположение и строение листьев, "дерево около дома" - ствол, ветка и крона, соотношение со строениями и людьми, место соединения ствола с землей, движение ствола и его ветвей, спиралеобразное движение и рост за поворотом солнца. С первых же шагов мы изучали живую натуру и природу, систематически зарисовывая людей, животных, птиц и т.д., главной привычкой в жизни становится систематическая работа. изображая домашние мелкие предметы, развивали глазомер, и многие достигали невероятной виртуозности в изображении домашних мелких предметов.: катушек, ниток, ножниц, бритв, ложек, ножей, тюбиков и т.д. Большое место уделяли автопортрету в зеркале с первых же классов, в рисунке простым карандашом и в живописи акварелью и маслом. Задание более чем на 30 учебных часов отдавалось "драпировке" - занавески на окнах, платье, висящее на вешалке, на стуле или кресле, драпировка в натюрмортах, на манекенах, специфика разных тканей.

Изучение построения и пропорций классических форм начиналось с различных видов гипсовых слепков, от простого завитка аканта, капители, античной вазы, маски, отдельно кисти руки, глаза, уха, носа с головы Давида Микеланджело, к более сложным заданиям – головам Диадумена, Антиноя и фигуре Дорифора. Параллельно с этим - рисунки экорше Гудона и изучение пластической анатомии скелета и мышц. В последнем, седьмом классе (11 класс) завершается поэтапное изучение в строгом требовании академического изображения в рисунке и живописи обнаженной модели.

Таким образом, по окончании школы складывался вполне творчески и технически профессиональный художник. Были пройдены все стадии развития и воспитания художника, почти как во времена Александра Иванова. Знали законы композиции, строение человека в ракурсах, правильное тоновое распределение, законы колорита, т.е. все, что относилось к профессиональным занятиям, и индивидуальное творчество дальше зависело от собственного мышления, культуры и врожденного таланта.

В завершающем, последнем просмотре седьмого класса принимали участие преподаватели не только из Академии Художеств и института, но также из министерства культуры, которые не всегда были на уровне "культуры". Так, Руднев (не помню имя, отчество) из Министерства культуры СССР, увидев живописные холсты с женскими обнаженными, решил, что это насаждение разврата и "это" вообще надо запретить. Поэтому в школе была, в основном, мужская натура, в то время как на вступительных экзаменах в институт позировали одни женские натуры.

Эти школьные просмотры-выставки в конце каждой четверти оценивались школьным советом всех преподавателей по специальным дисциплинам и всех вышеназванных представителей; поднимало в глазах учащихся значение их работ, особенно, когда кто-то получал поощрительные премии, выдававшиеся и за учебные рисунки, и за живопись, и за композиции, но особенно за живые натурные наброски.

Глубокий интерес детей без скидок на возраст, их любовь к изображаемым предметам, внимание их в аудиториях по специальным предметам, взаимозаинтересованность и взаимозависимость друг от друга имели для дальнейшей жизни огромное значение. Рисование с натуры развивало способность рисования без натуры, т.е. развивало понимание и видение пространственного изображения.

В живописи воспитывалось "целостное видение". Особо с первых же классов обращали внимание на композицию изображаемого. Компонование - нахождение на листе лучшего размещения, умение определять направление движения общей массы форм и общего масштаба изображения, а также логическая связь между изображением и оставшимися полями поверхности бумаги.

В нашем воспитании не последнюю роль играли преподаватели по общеобразовательным предметам. Они были у нас тоже "особенные", и к ним относились не так, как в общеобразовательных школах. Нам, конечно, не хватало "всерьез" времени на такие предметы, как математика, химия, физика, т.е. на те, которые нам и казались не обязательными, потому что они якобы не нужны художникам. Но это казалось не всем. Некоторые учились по техническим предметам очень хорошо и с интересом. Были случаи поступления потом на математические факультеты в университет (я, конечно, не понимала, как после такой школы можно изменить искусству).

Я просто из любопытства и не знаю еще почему любила математику и физику. Да еще преподаватели мне нравились, как интересные люди, как яркие личности со своей сложной судьбой. Наталия Михайловна Серебрякова - учительница по математике. У нее была уже взрослая дочь и двумя маленькими детьми без мужа. У Наталии Михайловны тоже не было мужа. Она с дочерью и внуками жила в очень маленькой комнатке в старом 2-х этажном доме на Смоленской площади. Сейчас этот дом снесен. Жилось, наверное, только на ее зарплату. Один год она болела, у нее что-то было с ногами. И мы, несколько ребят, ее навещали. С такой тяжелой личной судьбой Наталия Михайловна была очень мягкий и сердечный человек, но требовательна по делу и очень внимательно рассматривала все просмотровые выставки и никогда двойку не ставила тем, у кого были хорошие успехи по специальным предметам или кто просто не понимал в задачках ничего.

На последнем экзамене в школе по алгебре Наталия Михайловна почти всем ставила четверки. Так, Вася Ливанов и я попали вместе в класс и взяли билеты. Я, как примерная отличница по математике, села готовиться. А Вася, прочитав билет, заявил, что готов отвечать сразу. (Мы знали, что представитель РОНО - историчка). Он списал мелом на доску задачу по алгебре (это 2-й вопрос), поставил равенство и начал уверенно писать и говорить все, что попало, всякую чушь с алгебраическими названиями, которые только знал. Наталия Михайловна отвернулась от доски и, улыбнувшись, прервала его, сказав, что на 1-й вопрос отвечать не нужно, и она ставит ему четыре, несмотря на бурное возмущение представительницы, требующей "5", но Наталия Михайловна ответила: "У нас с ним свои счеты". Ни в одной школе такого не могло быть.

Семен Ефимыч Сокотун - яркая личность в школе. Его кабинет и класс физики - своеобразное соединение физики и искусства и его "Сокотуна" особой жизни. крупная фигура, выразительный силуэт, с лысым черепом, представительный, как с картин Веласкеса. В его кабинете всегда что-то включалось, свистело, скрипело... В школе у него проходила почти вся жизнь (с 9 часов до 17-18 часов). Рассказывал урок он тоже очень ярко и сочно, именно рассказывал, а не учил: "Берем батон колбасы и помещаем его в ..." и т.п. - это о законе удельного веса. Или: "Орлов, Орлов! Я думал, что ты орел, а ты просто мокрая курица"; "Дубиной бы тебя по харе..."; "А папа тебя бьет?" и т.п. Предмет свой он знал хорошо и любил, и даже несколько учеников поступили на физфак университета. Семен Ефимыч любил ребят, успевающих не только по его предмету, но тех, кто хорошо учился по специальным и никогда никого не оставлял за неуспеваемость на осень, хотя многие ребята ничего не смыслили в задачах. Иногда любил выпить пива или..., закрывшись в кабинете с приятелем, а потом при объяснении нового задания мог запутаться. Так как я хорошо училась, однажды заметила, что он запутался при решении задачи на доске, и с места его поправила. Он вызвал меня к доске и, когда я решила все, сказал, что ставит "5" и больше никогда меня спрашивать и вызывать не будет. И в четвертях всегда у меня были пятерки.

А библиотекарь Екатерина Павловна Малиновская! В школьной библиотеке - роскошные старинные издания, монографии и альбомы русских художников, репродукции, книги об итальянском искусстве возрождения, прекрасное собрание художественной литературы и, главное, чуткое отношение библиотекаря к детям. Помню ее высокую худощавую фигуру, длинный большой нос и быстрые резкие движения. У нее в школе училась дочь Наташа Малиновская, очень красивая и талантливая девочка, впоследствии прекрасный художник кино.

Были, конечно, и "вредные" учителя. Так, по русскому языку - маленькая сухонькая седая женщина каждый год по полклассу оставляла на осень - наверное, ей доставляло удовольствие, чтобы дети все лето мучались мыслями о переэкзаменовке. А учительница по истории - Ванда Исааковна? Она была до "остервенения" предана коммунистической идеологии. И когда на уроках такого предмета "конституция" - мы стали задавать "лишние вопросы", она просто крикнула: "Комсомольцы, встать!" (К концу школы почти все мы были комсомольцами). Мы встали, она всем поставила в четверти двойки. На торжественной панихиде И.В.Сталина в зале школы Ванда Исааковна, увидев, что Володя Васильцов ест пирожок, с ней чуть не случился припадок, конечно, она выгнала его из зала.

По поводу смерти И.В.Сталина. Для нас, детей, это было своего рода происшествие. В школе торжественное собрание всех учеников от 1 до 7 классов, полная тишина и торжественные речи преподавателей. После этого собрания мы с подружкой Аней Пискаревой решили посетить Дом Союзов с "выставленным телом". Мы были в предпоследнем классе, молодые, азартные и не представляли, какой опасности подвергаемся. Прощание с телом было так преступно безобразно организовано, что потом в здании Большого театра сотнями свозили трупы, детали разорванной одежды и обуви, даже задавленных лошадей. Ради спортивного интереса мы решили пробиться "туда". На три дня были отменены занятия. Мы с ней оделись соответственно в брюки и теплые одежды (был сильный, хоть и мартовский мороз). Вышли из ее дома на Полянке часов в 10 утра. Прошли пешком через Каменный мост. При выходе к Библиотеке Ленина, а дальше к улице Горького стояли сплошные военные отряды с конницей и военными грузовиками. Несколько кордонов мы преодолели с группой молодых людей, просто физически прорвавшись через солдат; прорвавшись в один двор, нам пришлось залезть на крышу одного дома, а оттуда в снег прыгать с довольно большой высоты, но тут выскочили ловить нас солдаты, мы с Аней нырнули под один грузовик, а остальных прорывавшихся развернули за кордоны. Вылезая из-под грузовика, мы наткнулись на замкнутую плотную линию солдат, за которой был поток реки черной массы измученных людей уже перед самым Домом Союзов. И вдруг двое солдат разомкнули цепь и нас впихнули в этот поток. А через сто метров мы вошли в боковые двери Дома Союзов, раскрасневшиеся, с оборванными пуговицами, с растрепанными волосами, мы приблизились к телу с окружавшей его охраной. Меня поразили, прежде всего, огромная голова И.В., вся то ли в веснушках, то ли в оспинах, и тоже на его обнаженных кистях рук. Вот так мы видели И.В.Сталина в последний раз, до этого видели несколько раз издали на демонстрациях 1 мая и 7 ноября, где школа всегда активно участвовала.

Нет нужды перечислять всех преподавателей по специальным и общеобразовательным предметам. Просто это была маленькая республика в огромной стране со своими законами и жизненным устройством.

В послевоенное время жить было трудно. Бабушка пекла оладьи из картофельных очисток, и это казалось вкусным. А в школе давали ежедневно огромные теплые булочки с чаем, за хорошую учебу платили стипендию с 1-го класса, выдавали краски, бумагу, холсты, кисти и т.п., иногда даже английскую бумагу "торшон" для акварели. А тем, кто жил в интернате, под который был специально надстроен 5-й этаж, кроме 4-х разового питания, выдавалась и одежда, не говоря о других жизненных удобствах. Это была, конечно, минимальная помощь, но без нее невозможно было бы учиться очень многим, а были дети и без родителей. Дирекция школы почти каждый год ездила по стране в местные художественные школы и кружки и отбирала детей для дальнейшей учебы в нашу школу. Таким образом, дети с 11-12 лет начинали свою вполне творческую трудовую жизнь круглый год.

Кроме лагеря в "Бехове", для более старших классов с 4-го класса (8-го) творческую практику дирекция устроила на Украине, в Каневе. Это изумительно прекрасное место. Очевидно, это был взаимный обмен практик с аналогичной художественной школой при Киевском художественном институте. Широчайший Днепр, высокий берег, городок Канев расположен на сложном холмистом, почти горном ландшафте. Тогда он еще не был испорчен гидросооружениями. Маленькие беленые домики утопали в зелени садов и цветов. Вишни, сливы, груши, абрикосы - для нас, "военных лет" детей - это было сказкой.

Нас расселили по 4-5 человек по домикам. Добрые хохлушки-хозяйки не продавали фруктов, а просто запускали нас в сады, и мы могли есть и собирать сколько угодно. Высокие пышные цветы мальвы под окнами и у заборов. А люди! Настрадавшиеся во время войны, потерявшие близких и родных, они были рады любому хорошему человеку, а мы, дети, увлеченные искусством, были хорошие люди, еще не обтертые жизнью, восторженные, готовые за этот рай помочь одинокой старушке или женщине в любом хозяйственном деле, так как были благодарны за возможность жить и работать в этих благодатных местах. Еще везде были следы войны, но сады ломались от фруктов и цвели пышно цветы под жарким и теплым солнцем.

Я с одной своей подружкой из следующего старшего класса решила после окончания двухмесячной практики остаться еще в этих местах (и родители согласились!). Мы с ней взяли какие-то бумаги от руководителей школы и переехали на попутном грузовике километров за 60 в большое село с бескрайними хлебными полями. Мы попали в самую уборку хлеба. А школьные бумаги были какие-то волшебные. Нас устроили в хату бесплатно к одинокой, еще не старой женщине (а таких там было много), колхозный председатель бесплатно выдавал нам хлеб, картошку, огурцы, помидоры, молоко, яйца и даже какое-то количество мяса (мы отдавали его хозяйке). А фрукты были в саду под рукой. Каждый день мы выезжали с колхозниками в поле, чтобы там до заката солнца писать и рисовать, а за "это" нас еще там кормили и обедами (борщами, кашами и т.п.). Зной был невероятный, спрятаться негде, но работа была полноценной. Кроме этого запомнился мне один эпизод из жизни села. В одну из суббот наша хозяйка и ее родственники стали готовить много-много еды. А в воскресенье был клич по всему селу - строить дом - "топтать дом". Это было невероятно! На пустом месте расчистили землю и с восхода солнца пришли все жители. А к вечеру дом стоял, пол и стены были чисто обмазаны, стекла вставлены, печь протоплена, а перед домом устроены длинные столы из досок с огромным количеством всякой еды и браги. Нас это поразило - за один день семья въехала в дом!

Картонок с масляной живописью, альбомов с акварелью и массой карандашных зарисовок и набросков оказалось невероятно много, так что еле дотащились до станции железной дороги.

Приехать в Киев и не осмотреть его - это было невозможно. Целую неделю (это был уже сентябрь) жили мы в старинном Киеве. Мы могли устроиться в художественной школе (это было принято по художественным школам: принимать учеников из таких же школ других городов), но подружка уговорила пожить у ее родственников. Город был еще

разбитый, с закрытыми соборами, монастырями и Киево-Печерской Лаврой, но все равно город был величественен и прекрасен над Днепром. Строился Крещатик, были открыты музеи с бесплатным посещением для всех. Очень интересна семья, в которой мы прожили эти дни. Было чувство, что такие типы задержались еще со времен Н.В.Гоголя. Это была добродушная, жизнерадостная еврейская семья со множеством детей. Все жили в одной комнате, спали, кто как мог устроиться, к нам относились как к столичным важным гостям, кормили до отвала, и основная забота была об обеде. Сначала я этим очень смущалась, но потом поняла - это было наслаждение мирной жизнью. В Москву, в школу я привезла массу работ - и живописных, и графических, множество композиционных листов и массу впечатлений на долгие годы.

Потом были еще практики под Звенигородом и в Ленинграде. Еще видны следы войны - Петергоф разбит, многие музеи еще закрыты, но детей вывозили, и за все государство платило.

Прошли семь школьных лет, для меня они были, как огромный кусок творческой жизни. Все, что было заложено в школе, осталось на всю жизнь. И то, что школа (с 1948 года) была расположена в Лаврушинском переулке напротив Третьяковки, и нам разрешалось там бывать в любое время, вплоть даже, когда у нее выходной день, и копировать. И никого не смущало, что иногда удирали даже с нелюбимого какого-нибудь урока в Третьяковку.

Моими очень близкими и хорошими подружками были Лариса Судакова, Наташа Смирнова и Рита Лифшиц. Каждая из них были очень интересными людьми. Лариса очень красивая девочка, талантливая, учившаяся до художественной школы во Дворце пионеров у А.М.Михайлова, который воспитал очень многих передовых советских и русских художников. Она всегда хорошо училась по специальным и общеобразовательным предметам. Дружба с ней для меня имела большое значение - она умная, пластичная, хорошо и со вкусом одетая, живо интересующаяся искусством, спортом, танцами (подруга ее была в хореографическом кружке Дворца пионеров). Особо хочется вспомнить Наташу Смирнову. Очень добрая, толстая девочка, не очень подготовленная по изобразительному искусству, она со второго класса (пятый класс) сблизилась со мной и Ларисой. Мы вместе гуляли после школы по старым переулкам, любили заходить на Кузнецкий мост в зоомагазин и в антикварные книжные магазины, где было много старинных книг, гравюр,

репродукций и открыток. Наташа часто на свои деньги покупала нам булочки, бублики и даже пирожные, чего мы не могли себе позволить. Ее отец был священник, и наш интерес к ее семье, вере, отношения между родными не остался для меня пустым интересом. Болезненная младшая сестра Наташи - Муся полностью была на руках Наташи. Так они остались неразлучными всю жизнь. Она всегда была для меня примером доброты, совести и терпимости. Она, получив серебряную медаль по общеобразовательным предметам, сдав положительно специальные предметы, поступила в институт на живописный факультет, но вскоре трезво оценив не очень достаточный уровень подготовки по живописи, перешла на графический факультет, тем самым на какое-то время мы с ней, как друзья, расстались. Совершенно другой и противоположной по характеру была Рита Лифшиц, еврейка по отцу. Очень способная, талантливая и даже своеобразная в искусстве, она привлекала к себе большой интерес у ребят. Насколько меня и Наташу совершенно не интересовали отношения между мальчиками и девочками, настолько Рита рано проявляла интерес к мальчикам, из-за которого у нее потом было много неприятностей, не только личных, но и школьных с учителями. Особенно к ней придиралась Ванда Исаковна. Но училась она легко и хорошо.

Уже в третьем классе (шестом) у нее умерла от очень тяжелой формы рака мать. Рита переживала страшно и с нарушением психики. Осталась она жить в семье старшей сестры (отец с ними не жил), и после окончания школы ей невозможно было оставаться в Москве (они жили в маленькой узенькой комнатке на Арбате, где трудно было повернуться). Потом она совершенно для нас пропала, ни писем, ни участия в выставках и вообще в жизни Союза художников.

В целом, всю историю изобразительного искусства с сороковых годов можно составить из выпускников школы (остался архив школы, но мало работ учащихся, методический фонд был уничтожен в 80-х годах). Выпуск на выпуск не похож. Наш выпуск в 1954 году был очень удачливым. Почти все поступили в Московский Государственный Художественный Институт им. В.И.Сурикова, разделившись на живописный и графический факультеты. Один Юрий Чернов поступил, как и учился, на скульптуру, т.е. 26 человек. Не прошел Василий Ливанов, но он тут же поступил в Щукинское училище и стал прекрасным актером, но с изобразительным искусством не порвал. Среди нашего выпуска - Николай Воронков, Иван Чуйков, Лилия и Наталья Левшуновы, Борис Диодоров, Мирон Лукьянов, Юрий Копейко, Владимир Татаринев, Лариса Судакова, Наталья Смирнова и другие.

В нашем выпуске было много детей из семей художников, этим, наверное, объясняется более высокий уровень интереса к культуре изобразительного искусства. По домашним книгам и журналам мы видели те произведения, которые было запрещено видеть. Музей изобразительного искусства им. А.С.Пушкина открыли только в 1957 году.

Экзамены в 1954 году мы все сдавали как-то весело, без особых волнений, в окружении своих же ребят, иногда даже помогая друг другу в живописи или композиции. Тогда же с нами поступила часть ребят, окончивших школу год назад - Володя Васильков, Татьяна Иваницкая и другие. Не попала на первый курс с нами Аня Пискарева. Она была дочерью книжного графика Николая Пискарева. Отец считал преподавание в Суриковском институте не того уровня, который требовался профессиональному художнику, особенно графику. У него были плохие отношения со многими художниками-преподавателями. Поэтому он был против поступления Ани в этот институт. То ли он наговорил кому-нибудь что-то, то ли Аня разволновалась на экзаменах, но она пролетела и поступила только по третьему заходу. Потом ее судьба сложилась тяжело. вскоре после окончания института у нее умер отец, тяжело заболел брат, он был студентом консерватории по классу фортепиано, и, перетрудив руку, вынужден был на время оставить занятия и тяжело заболел психически, в дальнейшем, неудачно женившись, вскоре умер. В 1962 (году защиты диплома), у нее родилась дочь, а через 3-4 года после рождения дочери умерла ее мать. И в это же время началась тяжба о даче - доме в Звенигороде, построенном отцом еще до войны на прекрасном высоком берегу реки Москвы, спроектированном по его проекту: с жилыми комнатами и двумя оборудованными мастерскими для себя и своей жены-скульптора, а также с прекрасным фруктовым садом. Тяжбу и разделение дачи начала жена брата. Аня уехала из этого очень для нее родного и дорогого с детства дома. Все это подорвало ее силы - эмоциональные и физические, и она, не дожив до 50 лет, скончалась от инсульта.

Такого приема почти целиком из МСХШ с первого раза до этого еще не было, а после окончания института в 60-м году мы влились в поток шестидесятников с разными творческими линиями, но единые в активности своей самобытной творческой жизни.

Такой же активный выпуск школы в 1950 году, когда закончили школу потом очень яркие художники нашего времени - времени шестидесятников - Б.А.Тальберг, Ю.К.Королев, И.В.Пчельников, И.И.Лаврова, Е.М.Аблин (все монументалисты и активные общественные деятели в жизни Союза художников), П.В.Никонов, П.Смолин, В.Попков, Е.Тараканова, Э.Булатов, И.Кабаков, - все художники, вошедшие в историю изобразительного искусства страны и в историю "взрыва" шестидесятников.

Б. А. Кельберер
Заметки для памяти

Лето 1948 г.
Практика – Кубань.

Летом обычно школа выезжала в лагерь в разные места. Подмоклово, Поленово и др. Закончили 6-й класс. . . Неожиданно вызывают нас четверых: (Ездаков Вася, Шаршанов Володя, я и Коля Овечкин*, учившийся младше нас) в дирекцию. Говорят: “Посылаем вас одних (без педагога) на Кубань. Вы ребята взрослые, хорошо работающие, поезжайте поработаете, подкормитесь, поправитесь. Там, говорят, интересно, тепло, красиво...”

Не знаю кто посоветовал ехать туда, как связались с совхозом – словом называлось это Совхоз Подгорный – значит где-то в предгорьях и река Кубань рядом; представлялось это наверно райским южным уголком, с пейзажами, типажам, изобилием продуктов и т.д.

Выдали аккредитивы – научили как пользоваться ими. Взяли билеты до Армавира.

Опыта никакого, советов никаких. Не сказали что брать с собой, как организовать работу на природе... набрали много холстов (на подрамниках), самодельных, тяжелых, много красок, этюдники, одежда, белье и прочее – тяжесть большая не вподем. Приехали, выгрузились. Армавир – привокзальная площадь, пыль, жара, безлюдье – поезд ушел... Куда податься? Нашли ослика с тележкой, нагрузили – получилась гора, идем рядом, мальчишки кричат “цирк приехал” - на окраине караван – сарай, элеватор. Машины (грузовики) возят зерно. Узнали, можно попутными машинами добраться до любого совхоза. Пересидели ночь, все так ново, неожиданно. Незнакомая речь, цыгане, лошади, запахи...

Договорились с шофером, поехали в кузове в совхоз Подгорный. Долгая дорога. Степь, пыль, станины, и снова степь, пустота – ни куста, ни деревца. Начались предгорья, горизонт расширился, открылись дали, в дымке еле различимый двухклавый Эльбрус. Балки, овраги, спуски, подъемы и на горе видны белые домики, фермы, пыльные акации, перед клубом магазин – и все – голубое небо, и во все стороны дали неоглядные – ни пейзажей, ни мотивов, ни воды – ничего этого нет, и жара...

Выгрузились, пошли в правление Совхоза. Представились – никто нас не ждал. Зачем? Откуда? Из Москвы? Чудно. - Будете жить в школе, есть столовая, будьте осторожны; здесь были немцы, остались венерические болезни... Живите, работайте.

Школа одноэтажное здание, классы заперты, поселились в большой комнате – спортзал, спать на полу на матах, ни стола, ни стульев – сделали потом из досок.

Вечер. Пришли молодые бабы, девки – нарумянились, сидят лужают семечки, - знакомимся, - будут позировать. В клубе кино, танцы, в буфете молодое разливное вино, в столовой – дешево, приличные обеды.

Стали ходить гости, всем любопытно, рисуют похоже – радуются; посыпались заказы... Достали где-то две открытки: натюрморт Хруцкого – ваза, фрукты, цветы и пейзаж Лебедева с водой и зелеными деревьями – и пошли в ход наши холсты и краски. Особенно здорово получалось это у Коли Овечкина – фрукты и цветы оживали, наполнялись цветом, радостью. Люди были в полном восторге. Воистину искусство принадлежало народу. Начались благодарности, приношения – образовались у нас горы яиц, кринки с молоком, сметаной, плюшки, ватрушки домашние. (В магазине белого хлеба не было, один черный, а Совхоз производил пшеницу). Однажды принесли много живых кур, - надо было рубить им головы и где-то жарить. В столовую перестали ходить, стали заметно поправляться (после голодной Москвы). Получили гос. заказ: сделать для клуба задник с Орденом Победы, - весь народ собрался смотреть. Очень нравилось, - ходили гордо – вот и настоящее признание. Заплатили немного денег – купили часы-луковицы с цепочкой (глупые были).

Дали нам лошадь с телегой – прежали километров за двадцать ближе к предгорьям за яблоками – там были гектары ничьих совхозных садов. Привезли каждый по огромному мешку яблок – крупных зимовок – жестких. Но самых красивых.

Свои работы (для отчета) получились маленькие. Этюды голов, рисунки и т.д. Особенно успешно поработал Вася Ездаков – израсходовал целые альбомы – увлекся лошадьми, подружился с объезчиками. И это, наверно, было правильно, что большие холсты извели на “халтуру”, (кстати и халтура эта тоже была своего рода практикой). А маленькие форматы и портреты с натуры в один сеанс принесли в дальнейшем большую пользу.

Звезды

И.С. Кусков. Архив и произведения 1-13
 Иллюстрации в тексте из архива художника, находящегося в музее МАХЛ.

Выпуск 2001

Фотографии выпускников МАХЛ 14

Андрей

А.Н. Костромитин. Воспоминания 15-23

Спецкурс

В.А. Иванов. Аналитическая композиция 24-26

Выпуск 1959

Э.А. Жаренова. Фрагменты воспоминаний 27-33

Воспоминания

Б.А. Кельберер. Заметки для памяти 34